ЛЬДЫ И СТЕПИ *).

(Диксонъ).

ГЛАВА I.

На сѣверѣ.—Ледовитое море.—Сѣверная Двина.—Архангельскъ.

«Бѣлое море», усмѣхнулся датскій шкиперъ, искривляя свои тонкія красныя губы;» это скорѣе цвѣтъ англійскаго портера. Дно можетъ быть и бѣлое, такъ какъ оно должно быть усѣяно костями несчастныхъ, погибшихъ въ немъ, но волны бываютъ бѣлыми только тогда, когда онѣ закованы въ ледъ и укутаны снѣгомъ. Ему гораздо болѣе пристало бы названіе Ледовитаго моря, какъ его называютъ матросы и охотники за тюленями».

Обойдя Нордъ-Капъ, сѣдую массу скалъ, далеко вдающуюся въ океанъ, мы направились на юго-востокъ и шли подъ дождемъ и вѣтромъ два долгихъ дня, въ теченіе которыхъ солнце не вставало и не садилось, и хотя была заря въ полночь, за то въ полдень было сумрачно.

Оставивъ за собою живописныя очертанія фіордовъ, мы направились вдоль темнаго, однообразнаго берега, часто покрытаго, пеленою тумана, пока, чорезъ двое сутокъ, мы наконецъ не почувствовали, такъ сказать, передъ собою земли въ видѣ низкой, неопредѣленной полосы вдалекѣ, какъ вечернія облака, тянущейся къ югу.

---

*) Полный переводъ сочиненія Диксона «Свободная Россія» не интересенъ для русскаго; нѣкоторые же отрывки изъ него не лишены интереса.

Мы взяли къ югу и вошли между св. Носомъ и Канинымъ мысомъ, въ проливъ миль 30 шириною, соединяющій Полярный океанъ съ Ледовитымъ моремъ *).

Земля, лежащая направо отъ насъ,—Лапландія, страна безплодныхъ равнинъ и глубокихъ черныхъ озеръ, гдѣ бродятъ нѣсколько охотниковъ и рыболововъ,—подданные русскаго Царя и послѣдователи православной вѣры, но говорящіе, на собственномъ языкѣ, который не понимаютъ въ Россіи, и слѣдующіе обычаямъ своихъ отцовъ, не признаваемымъ православною церковью. Лапландія есть смѣсь скалъ и озеръ, огромныхъ изломанныхъ скалъ и глубокихъ черныхъ озеръ; тамъ и здѣсь, между ними вьется долина, и на склонахъ ея немного оленьяго моха; кое—гдѣ набредешь на березу или сосну.

Никакой злакъ здѣсь не произрастаетъ, и пищею туземцамъ служатъ рыба и дичь. Ржаной хлѣбъ, ихъ единственная роскошь, привозится на лодкахъ изъ Онеги и Архангельска, куда онъ доставляется изъ южныхъ губерній.

Лапландцы, все еще номады, зимою живутся въ лачугахъ, лѣтомъ же раскладываютъ юрты, т. е. палатки. Зимою ихъ жилье состоитъ изъ бревенчатой пирамиды, покрытой мхомъ для предохраненія отъ вѣтра и слякоти. Юрта же ихъ камчатскаго типа: это конусъ изъ оленьихъ шкуръ, подпираемый шестомъ посреди, и съ отверстіемъ для дыма наверху.

Лапландецъ переноситъ свое жилье съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года; то онъ гоняется за дичью по склонамъ холмовъ, то носится по рѣкамъ и заливамъ за рыбою; въ теплые мѣсяцы вдается въ материкъ въ поиски за мхомъ и травою; въ холодные приближается къ берегу, для ловли тюленей и трески. Мужчины равно искусны въ управленіи лукомъ, ихъ древнимъ оборонительнымъ оружіемъ, и ружьемъ, завезеннымъ къ нимъ колонистами. Женщины на видъ не особенно привлекательны въ своихъ штанахъ изъ тюленьей и рубашкахъ изъ оленьей шкуры, но онѣ славятся волшебствомъ и ясновидѣніемъ. Въ каждой области Лапландіи есть непремѣнно своя колдунья; дьяволъ у нея постоянно подъ бокомъ и обязанъ повиноваться ея волѣ. Она предвидитъ будущее и можетъ призвать на человѣка всякое несчастіе. Она можетъ унестись въ пространство и заколдовать плывущіе подъ нею корабли. Далеко въ

*) Ледовитымъ моремъ Диксонъ всздѣ называетъ Бѣлое.

Полярномъ морѣ, тамъ, гдѣ ея соотечественники ловятъ треску, стоитъ глыба скалъ, называемыхъ матросами «Женщина съ ребенкомъ». Это весьма обыкновенное явленіе въ арктическихъ моряхъ, гдѣ волны постоянно плещa объ утесы, размываютъ ихъ и придаютъ имъ самыя прихотливыя формы; скала на Нордъ-Капѣ называется *Монахъ*; группа островковъ близъ этого мыса извѣстна подъ названіемъ *Мать и ея дочери*. Видимая сквозь завѣсу полярнаго тумана, глыба камня принимаетъ самыя таинственныя формы: та же самая скала, которая теперь называется «Женщина съ ребенкомъ» прежде, была извѣстна у рыбаковъ подъ именемъ «Золотой Вѣдьмы». Она рѣдко видна: лѣтомъ облака, а зимою снѣга скрываютъ ея прелести отъ глазъ рыбаковъ. Но когда она удостоиваетъ показать свое лицо при яркомъ солнечномъ блескѣ, ея дѣти привѣтствуютъ ее радостными пѣснями, потому что, видя ея лицо, они знаютъ, что трудъ ихъ будетъ благословленъ богатою добычею шкуръ и рыбы.

Горе моряку, выброшенному на ихъ берегъ!

Земля, по лѣвую руку отъ насъ, есть полуостровъ Канинъ, часть той области, гдѣ блуждаютъ самоѣды, снѣжная и ледяная пустыня, еще болѣе дикая, чѣмъ страна, обитаемая лапландцами. Страна безъ селеній, безъ дорогъ, безъ полей, даже безъ имени, потому что русскіе, которымъ она принадлежитъ, не имѣютъ для нея другаго названія кромѣ земли Самоѣдовъ. Эта страна простирается на сѣверъ и на востокъ отъ Архангельска и Канина мыса до вершинъ Уральской цѣпи и до Желѣзныхъ Воротъ въ Карскомъ морѣ. Въ ея ущельяхъ и на вершинахъ горъ снѣгъ никогда не таетъ, а ея береговая линія, простирающаяся на востокъ болѣе чѣмъ на 2000 миль, покрыта снѣгомъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ изъ двѣнадцати.—Въ іюнѣ, когда внезапно является весна, склоны нѣкоторыхъ долинъ покрываются оленьимъ мохомъ, но этихъ зеленыхъ пятнышекъ слишкомъ мало, чтобъ развеселить ландшафтъ, который даже и тогда чернѣетъ лишь утесами и сѣрѣетъ инеемъ. Этимъ зеленымъ мхомъ питаются олени, а этими послѣдними, верблюдами полярныхъ странъ, пропитываются дикари-туземцы.

Самоѣдъ, по объясненію нѣкоторыхъ, значитъ—людоѣдъ, но дѣйствительно ли люди, странствующіе по этимъ пескамъ и болотамъ, заслуживаютъ эту дурную славу,—остается вопросомъ открытымъ *). Они

*) Понятно, что это открытый вопросъ только для г. Диксона, который, не смотря на множество своихъ путешествій, не отличается большими знаніями.

не употребляютъ огня для приготовленія пищи, а ѣдятъ оленину сырою; можетъ быть это-то обстоятельство и послужило къ обвиненію ихъ въ любви къ человѣческому мясу. Гоняясь за дичью, которою они питаются, самоѣды перебрались черезъ Уральскій хребетъ на сѣверъ Азіи, занявъ въ ней столь холодную и безплодную полосу земли, что всякая другая человѣческая раса не могла бы въ ней выжить. Здѣсь ихъ нашли зыряне, способный и смѣлый народъ. Они красивѣе самоѣдовъ, живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, какъ и другіе русскіе, и обладаютъ огромными стадами сѣверныхъ оленей, которыя пасти они заставляютъ самоѣдовъ. Это служеніе высшей рассѣ постепенно преобразовываетъ дикаго самоѣда въ цивилизованнаго человѣка, такъ какъ даетъ ему сознаніе собственности и уваженіе къ чужой жизни. Краснокожій убиваетъ звѣря, за которымъ охотится, убиваетъ безъ нужды, въ животномъ сознаніи своей силы. Самоѣдъ поступилъ бы точно также, но зырянинъ научилъ его воспитывать и пасти свою пищу, точно также какъ и охотиться и ставить силки.

Дикарь, стоящій лишь одною ступенью выше самыхъ первобытныхъ рассъ, самоѣдъ не строитъ, не засѣваетъ полей и не признаетъ земельной собственности. Онъ живетъ, какъ лапландецъ, въ юртѣ, т. е. палаткѣ, тѣ же кожи, сшитыя вмѣстѣ кишками и прикрѣпленныя къ шесту; внутри набросаны шкуры для спанья. Никакого искусства не потрачено при устройствѣ этой юрты. Однако, самоѣды имѣютъ понятіе о сельской жизни и даже о правительствѣ. Собраніе юртъ называется чумомъ. Каждый чумъ управляется знахаремъ.

Нынѣ царствующій Императоръ прислалъ сюда нѣсколько священниковъ, какъ во время оно Мароа Посадница послала священниковъ и монаховъ въ Лапландію и Карелію, надѣясь отвратить туземцевъ отъ ихъ языческихъ обычаевъ и привести ихъ къ церкви Христовой. Надо надѣяться, что этими священниками принесена кой-какая польза; но русскій, знающій хорошо страну и народъ, посмѣивается, когда вы спрашиваете о нихъ дѣяніяхъ въ Обской губѣ и вокругъ Карскаго моря.

Сквозь ворота, охраняемыя этими племенами, мы входимъ въ Россію; здѣшнихъ лѣсовъ и равнинъ никогда не попирала нога татарина.

Но почему входить намъ въ Россію съ сѣвера? Если бы Великій Моголъ покорилъ Англію въ XVII столѣтіи; если бы азіатскіе нравы господствовали въ Лондонѣ въ теченіе двухъ вѣковъ; еслибы наконецъ Британія отвоевала себѣ свою древнюю свободу и гражданскую жизнь:—

откуда бы наблюдатель, желающій видѣть англичанъ такими, каковы они есть, началъ свои наблюденія? Не началъ ли бы онъ ихъ скорѣе съ Массачузетса, чѣмъ съ Миддльсэкса, даже хотя бы ему пришлось завершить ихъ на Мерси и на Темзѣ?

Изучающій Свободную Россію, получившую начало лишь со времени Крымской войны, долженъ начать свои наблюденія съ сѣвера, такъ какъ только въ этой странѣ лѣсовъ и озеръ славянская раса осталась свободною отъ постороняго вліянія и несломленною чужеземнымъ игомъ. Страна отъ Онеги до Перми, — въ семь разъ больше Франціи, — была колонизована новгородцами въ то время, когда великій Новгородъ былъ еще великимъ городомъ, славившимся торговлею, благочестіемъ и искусствами, соперникомъ Франкфурта и Флоренціи, входившимъ, какъ Лондонъ и Брюгге, въ составъ Ганзейскаго союза. Его колоніи твердо держались хартіи свободы. Онѣ не склонялись подъ татарское иго и не научились ходить нѣмецкими путями. Онѣ не знали господъ и не держали рабовъ. «У насъ никогда не бывало, сказалъ мнѣ архангельскій земледѣлецъ, ни благородныхъ, ни рабовъ». Онѣ слѣдовали въ злѣ и добрѣ обычаямъ старины.

Не смотря на всяческое давленіе, этихъ свободныхъ колонистовъ не могли заставить принять преобразованную офиціальную литургію, предпочтительно передъ ихъ древними обрядами; они держались также своего древняго языка, когда на немъ уже перестали говорить въ столицѣ, и, когда приспѣло время, они послали геніальнаго мальчика-крестьянина (Ломоносова) научить этому народному языку академію, сенатъ, дворъ.

Мы выходимъ изъ узкаго пролива, отдѣляющаго Лапландію отъ земли самоѣдовъ, въ Бѣлое море.

Вдвое болѣе озера Верхняго, въ Соединенныхъ Штатахъ, Бѣлое море формою своею напоминаетъ нѣсколько озеро Комо: одинъ узкій сѣверный заливъ, доходящій до Кандалакши въ Русской Лапландіи, и два южныхъ залива, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго широкимъ песчанымъ полуостровомъ, обитаемымъ нѣсколькими рыбаками, занимающимися ловлею трески и тюленей. Эти южные заливы называются отъ рѣкъ, впадающихъ въ нихъ, Онежскою и Двинскою губами. Въ устьяхъ этихъ рѣкъ стоятъ два торговыхъ порта: Онега и Архангельскъ.

Открытая часть этого моря очень глубока, отъ 360 до 480 футовъ и въ одномъ мѣстѣ лишь показываетъ около 1000 ф. Однако, берега не круты и не высоки. Онежская губа богата подводными кампями и островками, — послѣдніе часто только песчаныя отмели, намываемыя въ море

съ каргопольскаго нагорія, но въ широкомъ входѣ въ Онежскую губу, между Орловымъ носомъ и городомъ Кемью, стоитъ значительная группа острововъ: Соловецкіе, Анзерскій, Муксальма, Заячій и др. Острова эти играютъ важную роль въ исторіи Россіи. На Соловецкомъ островѣ значительнѣйшемъ изъ этой группы, стоитъ знаменитый монастырь того же названія, обитель св. Зосимы и Савватія, убѣжище св. Филиппа, святыня, на поклоненіе которой идутъ равно цари и крестьяне, мѣсто дѣйствія многихъ великихъ событій.

На Двинскомъ барѣ построенъ новый маякъ, гдѣ живутъ лоцмана; маякъ этотъ всего футовъ 80 шириною и часто не видѣнъ, за туманомъ. Къ намъ является лоцманъ, съ мягкимъ, терпѣливымъ выраженіемъ лица, съ сѣро-голубыми глазами и массою темныхъ волосъ. Онъ говоритъ намъ робкимъ тономъ, какъ будто боясь, что мы разсердимся и прибьемъ его, что теперь вода идетъ на убыль и что мы должны ждать прибыли.

«Ждать прилива»,—оретъ нашъ датскій шкиперъ, «какъ бы не такъ; проваливай, мы обойдемся и безъ тебя!» Солнце какъ разъ выглянуло изъ-за тумана, но тучи спускаются все ниже и становится мрачнѣе; каждый чувствуетъ, что сейчасъ начнется штормъ. Двѣ барки близъ бара—«Тера» и «Ольга»—шатаются и бьются ,какъ пьяныя, однако, нашъ блѣдный русскій лоцманъ, побуждаемый болѣе сильною волею, уступаетъ съ улыбкою, и, уменьшивъ на половину нашъ ходъ, мы медленно подвигаемся впередъ къ линіи красныхъ и черныхъ сигналовъ, находящихся передъ нами.

«Тера» и «Ольга» скоро остались за нами, дрожа всѣми своими шкотами какъ человѣкъ въ когтяхъ лихорадки. Въ полчаса мы прошли линію бакановъ и достигли внѣшняго порта. Какъ всѣ большія рѣки, Двина отложила въ своемъ устьѣ дельту острововъ большихъ и маленькихъ, и изливается въ море дюжиною рукавовъ. Ни одинъ изъ этихъ рукавовъ не можетъ считаться главнымъ, потому что рѣка прихотливѣе моря, такъ что шкиперъ, вышедшій изъ нея чрезъ одинъ рукавъ въ августѣ, можетъ быть принужденъ возвратиться въ іюнѣ черезъ другой. Главный проходъ на старыхъ картахъ пролегаетъ возлѣ монастыря св. Николая, затѣмъ пришла очередь острова Розы,—впослѣдствіи мимо Двинскаго форта; но штормы, свирѣпствовавшіе въ полярномъ морѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, занесли этотъ проходъ Портовая полиція молчаливо наблюдала за этимъ. Что ей было дѣлать?—Архангельскъ былъ отрѣзанъ отъ моря, пока, наконецъ, одинъ датскій кузнецъ, устроившій въ по-

вомъ портѣ кузницу, не предложилъ иностраннымъ негоціантамъ нанять пароходъ и найти выходъ для ихъ кораблей. «Если вода идетъ внизъ, говорилъ онъ, то она должна была расчистить себѣ путь; постараемся найти его. Положили 100 фунтовъ въ банкъ, наняли пароходъ и нашли, что каналъ, называемый Майнапскій рукавъ, достаточно глубокъ для прохода кораблей. Дѣло было сдѣлано, къ городу открытъ доступъ съ моря; но тутъ явился вопросъ о портовыхъ властяхъ и ихъ уставахъ.

Ни одна лодка не оставляла города чрезъ этотъ рукавъ, никакихъ правилъ на этотъ счетъ не было установлено, и портовая полиція не могла позволить кораблю поднять паруса, если бумаги его не были составлены по разъ принятой формѣ.

Напрасно негоціанты представляли, что случай это новый и для него должны быть составлены новыя правила. Но все это было напрасно. Съ одной стороны стоялъ флотъ кораблей, нагруженныхъ овсомъ и лѣсомъ для Эльбы, Мааса и Темзы, съ другой — глубокій многоводный рукавъ, а тутъ печатные уставы порта, не заботясь ни о прихотяхъ природы, ни о нуждахъ людей, запрещали кораблямъ двинуться въ путь по этому каналу.

Обратились къ князю Гагарину, архангельскому губернатору. Но у Гагарина, хотя онъ и подсмѣивался надъ этими формалистами, не было ни своего зерна, ни своего лѣсу на корабляхъ. Сринъ, остроумный начальникъ таможни, пытался открыть порты и освободить корабли, предлагая поставить на новый каналъ своихъ чиновниковъ; но полиція была—полиція. Напрасно ей представляли, что товары могли испортиться; что капиталъ, вложенный въ нихъ, лежалъ мертвымъ, что наконецъ каждый потерянный рубль составлялъ потерю для ихъ же города.

На мой вопросъ: «какъ же наконецъ устроилось дѣло?»—шкиперъ, самъ бывшій однимъ изъ плѣнниковъ въ портѣ, отвѣчалъ:—«Я вамъ разскажу въ двухъ словахъ. Мы отправили депутацію въ Петербургъ и получили разрѣшеніе».

Ветхозавѣтный еврей назвалъ бы это море выбѣленнымъ гробомъ. Даже люди науки, которымъ зимніе штормы представляются въ видѣ столбца цифръ, столько-то затертыхъ льдомъ кораблей, столько-то утонувшихъ людей, найдутъ въ отчетахъ объ этой ледяной пучинѣ нѣкоторое оправданіе лапландскаго повѣрья о золотой вѣдьмѣ. Одинъ годъ былъ чрезвычайно трагическій, и еще не успѣла изчезнуть память объ одномъ темномъ днѣ гибели и смерти.

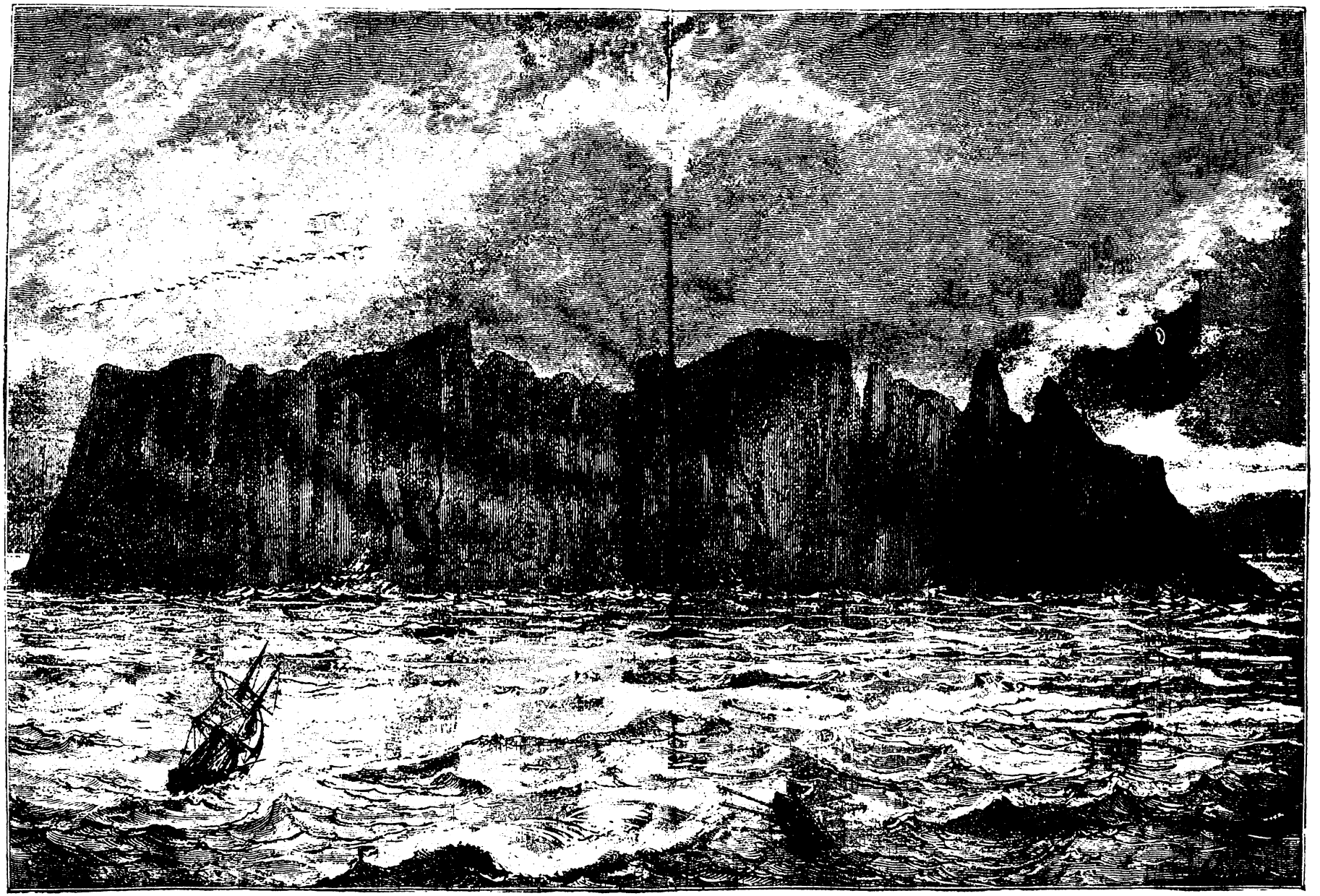
Въ концѣ іюня получено было въ Англіи изъ Архангельска сообщеніе

отъ англійскаго консула съ требованіемъ помощи. Сотня суновъ различныхъ націй и наименованій большею частію съ англійскою командою, погибала во льду. Нельзя ли что нибудь для нихъ сдѣлать? «Помощь отправляется»: телеграфировали изъ Чернигъ Кросса, и 1-го іюля два парохода вышли изъ Темзы на помощь этимъ, погибающимъ въ полярныхъ льдахъ, кораблямъ и людямъ. Черезъ двѣ недѣли они оставили за собою мысъ на лапландскомъ берегу, а на слѣдующій день пытались, хотя и безуспѣшно, перейти черезъ мелкій архангельскій баръ: тѣмъ не менѣе, дѣло человѣколюбія было смѣло и быстро совершено англійскою командою.

Этотъ разноплеменный флотъ оставилъ Двинскій портъ при извѣстіи, что ледъ въ заливѣ взломало; но, достигнувъ пролива, чрезъ который мы только что прошли, онъ встрѣтилъ массу плавающаго и вздымающагося со всѣхъ сторонъ льда; ему все-таки удалось добраться до пролива между каменнымъ мысомъ и Св. Носомъ. Ледъ передъ ними стоялъ такою страшною массою, что не было никакой, возможности пробираться далѣе, и корабли стонали подъ ударами, наносимыми имъ этими плавающими громадами. Поднялся свѣжій сѣверный вѣтеръ и, дуя безпрерывно въ теченіе трехъ дней, нагналъ въ проливъ еще большую массу полярныхъ льдовъ, принудивъ эскадру отступить и закрывъ совершенно выходъ въ открытое море. Корабли кидало во всѣ стороны, не смотря на всѣ усилія рулевыхъ провести ихъ на средину канала; а безпомощныя мелкія суда были выброшены на лапландскіе рифы, гдѣ матросы скоро очутились окруженными ледяными горами.

Словно пушечные выстрѣлы слышали матросы другихъ, болѣе крѣпкихъ кораблей гулъ отъ ломающихся подъ напоромъ льда судовъ. Когда одно судно разбивалось и опускалось ко дну, команда соскакивала на ледъ и перебѣгала на другое ближайшее судно, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько часовъ и съ него, можетъ быть, спасаться такимъ же образомъ. Одинъ матросъ утопалъ пять разъ въ теченіе дня: каждый разъ, какъ только онъ вступалъ на судно, оно разбивалось и погружалось въ ледяную пучину. Число кораблей, оставленныхъ командою, доходило до 64; изъ нихъ 14 спасено, а 50 погибло. Изъ этихъ 50 18 было англійской постройки и съ англійскою командою.

По Маймакскому рукаву мы идемъ верстъ двадцать дельтою, мимо низкихъ, покрытыхъ зеленью береговъ и острововъ, какъ на Миссури, хотя почва на Двинѣ не такая богатая и черноземная, какъ на Американской рѣкѣ. За ними на материкѣ тянется, покуда глазъ видитъ, сосновый лѣсъ.



Сѣверный мысъ на Бѣломъ морѣ.

Низкій островъ направо отъ пасъ называется островъ Св. Николая, по имени смѣлаго епископа, ударившаго, какъ говоритъ преданіе, по щекѣ еретика Арія. Житія Святыя говорятъ, что онъ родился въ Ликіи, а жилъ въ Мирѣ, отсюда наименованіе Мирликійскаго; но не сохранилось ни строчки его писаній, а добродѣтели, приписываемыя ему, самыхъ противоположныхъ свойствъ. Онъ считается покровителемъ благородныхъ и дѣтей моряковъ, ходебщиковъ и странниковъ.

Это популярнѣйшій святой. Бѣдняки его любятъ; онъ считается другомъ нищихъ, рыбаковъ и бродягъ. Русскіе обращаются къ нему, какъ къ надеждѣ умирающихъ съ голоду и утопающихъ, такъ что часто слышишь его имя и видишь образъ въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ, на берегахъ рѣкъ и на окраинахъ Ледовитаго моря. Хотя его почитаютъ и по всей Россіи, но въ особенности въ этихъ сѣверныхъ странахъ. Тутъ онъ исключительно святой и покровитель смѣльчака-морехода; здѣшнюю дельту, по справедливости, можно назвать его областью, потому что по его имени называется не только островъ, о которомъ мы уже говорили, но и прежній проходъ и самая бухта. Древнѣйшій монастырь въ окрестности носитъ тоже его имя.

При входѣ въ Маймакскій рукавъ, зрѣніе, утомленное видомъ черныхъ скалъ, сѣрыхъ тучъ и угрюмаго буруна, отдыхаетъ на нѣжной зеленой травѣ и кустарникахъ. Но взглядъ напрасно ищетъ дома или фермы: на всемъ этомъ протяженіи мы встрѣтили только одну бревенчатую хижину. Двое мужчинъ стояли на берегу на небольшой прогалинѣ; мальчишка дурачился въ дрянной лодченкѣ, подбрасываемой волною отъ нашего парохода. Но изба была необитаема; эти люди пріѣхали сюда въ лодкѣ изъ-за нѣсколькихъ верстъ за травою для своихъ коровъ и за топливомъ для себя.

На берегахъ прежнихъ каналовъ деревни попадаются довольно часто; это небольшія группы домиковъ и церквей, кое-гдѣ монастыри и вѣтряныя мельницы, все на одинъ манеръ, безъ малѣйшихъ признаковъ оригинальности. На всѣхъ этихъ берегахъ видишь цѣлые лѣса крестовъ; застигнутый бурею морякъ выходитъ на берегъ и воздвигаетъ крестъ. Передъ этимъ знаменіемъ вѣры, онъ преклоняется съ молитвою, и когда поднимется попутный вѣтеръ, онъ оставляетъ свое приношеніе на пустынномъ берегу. Когда опасность велика, вся команда высаживается на берегъ, рубитъ высокія деревья и дѣлаетъ изъ нихъ кресты, вырѣзывая на каждомъ имя и число. Вокругъ всего сѣвернаго побе-

режья множество этихъ знаковъ благочестія, въ особенности же на скалахъ и берегахъ св. острововъ. Каждый крестъ воздвигнутъ въ воспоминаніе о бурѣ. Нѣкоторые имѣютъ историческія воспоминанія. Одинъ крестъ, поставленный Петромъ Великимъ, послѣ избавленія отъ крушенія въ ледяной пучинѣ, впослѣдствіи помѣщенъ въ архангельскій соборъ. «Этотъ крестъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ», гласитъ дощечка, вырѣзанная собственною рукою императора, и не безъ вкуса, такъ какъ Петръ былъ искусный рѣзчикъ. Не заслуживаетъ-ли подражанія этотъ морской обычай, оставляющій на каждомъ берегу благословеніе? Англійскій матросъ склоненъ оставлять берегъ, гдѣ его задерживали плѣнникомъ противные вѣтры, съ проклятіемъ въ сердцѣ и со скверными словами на языкѣ.

Идя вверхъ по теченію, встрѣчаешь цѣлыя эскадры гонокъ и барокъ, гдѣ можно наблюдать до нѣкоторой степени мѣстные обычаи. Гонки— это плоты изъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями; на нихъ обыкновенно устраиваютъ сарайчикъ, или родъ избушки изъ досокъ для хозяина, рабочіе же спятъ на открытомъ воздухѣ. Эти гонки спускаются по Двинѣ и ея притокамъ за тысячи миль. Вырубленныя въ вологодскихъ лѣсахъ, бревна привозятся на берегъ и связываются въ широкія гонки. Въ городахъ нанимаютъ нѣсколько здоровыхъ работниковъ почти за даромъ, такъ какъ многіе бѣдные крестьяне рады спуститься по рѣкѣ, по дорогѣ къ Соловецкой святынѣ. За проѣздъ на гонкѣ, эти богомольцы помогаютъ грести и управлять гонкою. На судахъ жизнь не такъ сурова. По формѣ онѣ напоминаютъ игрушку, извѣстную подъ названіемъ Ноева Ковчега; огромный кузовъ изъ грубыхъ неотесанныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ, покрытъ острокопечною досчатою крышею. Онъ стоитъ отъ 6 до 7 сотъ рублей и поднимаетъ отъ 6 до 8 сотъ тоннъ зерна. Небольшая часть его отгорожена для жилья. Въ ней стоятъ грубо выдѣланные столъ, стулъ, полки. Съ бимса спускается чугунный котелокъ, въ которомъ рабочіе варятъ пищу, когда суда въ открытой рѣкѣ; когда же они въ пристани, на нихъ не позволяютъ держать вовсе огня, не позволяютъ даже курить и пища должна вариться на берегу. Четыре или пять бревенъ служатъ имъ вмѣсто лодки для выѣзда на берегъ.

Также какъ и гонки, эти суда принимаютъ на себя богомольцевъ съ верховьевъ рѣки, доставляя имъ даровый проѣздъ и снабжая, кромѣ того, чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, за ихъ помощь при управленіи судномъ. Впрочемъ, работать приходится немного, такъ какъ суда несетъ тече-

шемъ. По прибытіи въ Архангельскъ, кладь перегружается на иностранные корабли, а барка причаливается къ берегу, разбирается и продается. Нѣкоторыя бревна идутъ снова на постройку, а остальныя на дрова.

Новый архангельскій портъ, Соломбала состоитъ изъ горсти деревянныхъ домовъ, которые напоминали бы швейцарскую деревушку, если бы не кучи зеленыхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, придающихъ ему скорѣе видъ болгарскаго города. На каждой колокольнѣ полумѣсяцъ, увѣнчанный крестомъ. Вдоль берега рѣки идетъ набережная, возвышаясь на 6 или 8 футовъ надъ низкою равниною. Весною, когда рѣки разливаются, новый портъ покрывается водою, такъ что приходится переѣзжать на лодкахъ изъ домовъ въ магазины. Въ этой набережной нѣтъ ни одного камешка русскаго: она вся построена изъ балласта, привозимаго въ Двину иностранными и преимущественно англійскими кораблями. Вся эта гряда голышей, раковинъ и рухляка привезена почти исключительно изъ Лондона, Ливерпуля, такъ какъ здѣшняя торговля съ Англіею единственно вывозная. Здѣшній русскій посылаетъ намъ все, что онъ имѣетъ: овесъ, ленъ, лѣсъ, рогожи, деготь, но не получаетъ почти ничего. Немного соли и вина, нѣсколько принадлежностей для лѣсопиленъ: вотъ все, что онъ получаетъ изъ Англіи въ замѣнъ своихъ товаровъ. Мы платимъ золотомъ и ввозимъ одинъ балластъ; въ балансѣ счетовъ двухъ странъ является плотина изъ англійскаго рухлека и булыжника.

ГЛАВА II.

Архангельскъ.

Выходя изъ Бѣлаго моря въ Двину, не замедлишь удостовѣриться, что подвигаешься къ востоку. Задѣвая за мель, лоцманъ тѣмъ не менѣе отказывается опускать лотъ. «Ничего, говоритъ онъ, тутъ довольно глубоко, дастъ Богъ не сядемъ». Лоцманъ вообще рѣдко бросаетъ линь. Высота воды на мели опредѣлена начальствомъ, а бросаніе веревки въ море, по убѣжденію лоцмана, не увеличитъ глубины.

По Двинѣ, всѣ крестьяне, какъ мужчины, такъ и женщины, носятъ овчинные тулупы — признакъ кочевыхъ народовъ. Общее правило: ни одна изъ осѣдлыхъ расъ въ мірѣ не носитъ такой одежды.

При первомъ взглядѣ на городъ, вы поражены цѣлымъ лѣсомъ цвѣтныхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, совершенно непропорціональнымъ съ числомъ жителей.

Что касается до берега, то судно не находитъ здѣсь ни набережной, ни дока, ни пристани, ни лѣстницы; оно пристаетъ, какъ можетъ. Лодки причаливаютъ къ берегу съ помощью шеста, какъ въ турецкихъ портахъ Видинѣ или Рущукѣ. Никакой помощи съ берега не получается. Трудно найти гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ портовъ Палестины, чтобы такая богатая торговля производилась посредствомъ такихъ первоботныхъ способовъ.

Подъѣзжая къ городу, узнаешь, что въ Архангельскѣ, также какъ и въ Алеппо, нѣтъ гостиницы, нѣтъ даже каравансарая, какъ въ Алеппо. При этомъ обращаешься къ картѣ и замѣчаешь, что Архангельскъ лежитъ немного восточнѣе Мекки и Трапезунда. Но все-таки здѣшніе обычаи не настоящіе восточные. Бакшишъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Очень возможно, что лоцманъ, пожимая вамъ руку (всѣ русскіе низшихъ классовъ очень любятъ рукопожатія), поздравитъ васъ съ счастли-

ливымъ прибытіемъ въ портъ; если вы не поймете намека, что весьма возможно, то онъ робко шепнетъ вамъ на ухо, какъ бы сообщая важную тайну, что къ нимъ пріѣзжаетъ не много иностранцевъ, но что эти немногіе всегда даютъ на чаекъ человѣку, проведшему ихъ по бурному морю.

Но отъ портовыхъ чиновниковъ ничего не получишь посредствомъ взятки, какъ было встарину. Между многими другими мудрыми преобразованіями настоящаго царствованія надо поставить и сокращеніе числа служащихъ въ таможняхъ и увеличеніе имъ казеннаго содержанія. Князь Оболенскій, управляющій этою важною частью, человѣкъ съ прекрасными принципами; подъ его наблюденіемъ, эта служба была очищена отъ царствовавшихъ въ ней въ прежнее время злоупотребленій. Я узналъ объ одномъ случаѣ, гдѣ иностранный шкиперъ подарилъ одному служащему въ портѣ дюжину апельсиновъ, не въ видѣ взятки, а просто потому, что апельсины здѣсь большая рѣдкость. Однако, когда начальство узнало объ этомъ фактѣ, чиновника тотчасъ же перевели на низшее мѣсто. «Если онъ принялъ апельсины, онъ приметъ и деньги», говорилъ начальникъ, и прошелъ цѣлый годъ прежде, чѣмъ ему возвратили его прежнюю должность.

Новая метода по такая азіатская, какъ прежняя, но современемъ она заставитъ самаго жалкаго чиновника въ Россіи сознавать, что онъ тоже человѣкъ.

Архангельскъ нельзя назвать городомъ и портомъ, въ смыслѣ Гамбурга или Гулля, съ массами доковъ и складовъ, съ магазинами и дѣятельною торговлею. Это скорѣе лагерь, тѣснящійся вокругъ церквей и колоколенъ. Представьте себѣ обширное зеленое болото вдоль берега широкой темной рѣки, съ выдающимися изъ него кое-гдѣ глиняными валами. На валахъ зданія, украшенныя фресками, куполами и крестами; пространство между ними занято деревянными домами и заборами, двѣ широкихъ, длинныхъ улицы, соединяющіеся съ рѣкою дюжиною проулковъ. Множество бѣлыхъ церквей и монастырей съ зелеными и синими главами; дома окружены открытыми садами, въ каждомъ окнѣ герань, фукція или олеандры и улицы, сплошь заросшія травою, — вотъ вамъ Архангельскъ.

Въ серединѣ города помѣщаются въ живописныхъ группахъ всѣ общественныя зданія: соборъ, дума, пожарная каланча, присутственныя мѣста, музеумъ, губернаторскій домъ. Коллекціи въ музеѣ ничего не стоятъ, за то позолота на соборѣ роскошна. Съ нѣкотораго разстоянія

куполы и колокольни придаютъ Архангельску видъ скорѣе священнаго восточнаго города, чѣмъ торговаго порта.

Этотъ путь на Двинѣ есть единственный, чисто русскій портъ; Астрахань есть собственно татарскій портъ; Одесса — итальянскій; Рига — ливонскій; Гельсингфорсъ — финляндскій. Ни языкъ, ни нравы тамъ не русскіе. Они пріобрѣтены мечемъ, и потеря ихъ для Россіи собственно не была бы очень чувствительна *). Великороссія достаточно велика для независимости и довольно богата для счастія. Архангельскъ, съ другой стороны, — ея единственная дорога къ морю, доставляющая ей старинное, свободное сообщеніе съ міромъ, — путь, данный ей Богомъ, который не отнимется отъ нея людьми.

Въ своемъ настоящемъ видѣ Архангельскъ и его портъ обязаны своимъ происхожденіемъ англійской предпріимчивости, своимъ благосостояніемъ — англійской торговлѣ.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда VI, англійскій корабль, проходя по Ледовитому морю, въ надеждѣ найти проходъ въ миоческій Китай, встрѣтилъ широкую полосу воды, быстро текущей съ юга. Корабль былъ Бонавентура; капитанъ его, Ричардъ Чэнслоръ, разставшійся во время бури со своимъ начальникомъ сэромъ Гюгомъ Уиллоуби. Вода, текущая съ юга, была прѣсная. По лѣвую руку отъ себя онъ увидалъ низкій зеленый островъ, который назвалъ на своей картѣ островомъ Розы: впослѣдствіи онъ сталъ колыбелью англійской торговли съ сѣверомъ. Идя вверхъ по теченію, Чэнслоръ встрѣтилъ небольшой монастырь. Монахи сообщили ему, что страна эта была не Китай, а Великая Россія.

Древніе русскіе давали имя «великій» не только своей столицѣ, но и всей странѣ. Столица была Великій Новгородъ, страна — Великая Россія.

Сэръ Гюгъ-Уиллоуби былъ увлеченъ вѣтрами въ «гавань смерти», гдѣ онъ со всею своею командою погибъ во льдахъ. Его же болѣе счастливый лейтенантъ поднялся вверхъ по Двинѣ до Вологды, откуда продолжалъ свой путь до Москвы, гдѣ удостоился видѣть великаго князя, Іоанна IV. Тогда Россія была извѣстна подъ именемъ Московіи, отъ города Москвы, отнявшей преобладаніе у Новгорода и ставшей владычицею Сѣвера.

Чэнслоръ былъ разбитъ и утонулъ при своемъ второмъ путеше-

*) Дикій взглядъ, свойственный невѣжественному иностранцу.

ствіи въ Россію. Но за нимъ явились другіе, построившіе на островѣ Розы, близъ монастыря, англійскую факторію. Русскіе же съ своей стороны построили фортъ и городъ на Двинѣ, миляхъ въ 30-ти отъ устья. При такомъ положеніи, они могли наблюдать за иностранцами и обмѣниваться съ ними воскомъ и шкурами за бумажныя ткани и олово. Строитель форта и города былъ Іоаннъ Грозный, назвавшій его Новою Крѣпостью Св. Михаила Архангела — нескладное имя, которое матросы скоро сократили просто въ Архангельскъ.

Петръ Великій перестроилъ Архангельскъ въ большихъ размѣрахъ и изъ болѣе прочнаго кирпича. Петръ любилъ Бѣлое море и ѣздилъ дважды на поклоненіе Соловецкой обители; онъ цѣнилъ это мѣсто не только какъ святыню, но и какъ пограничную крѣпость противъ шведовъ. Архангельскъ составлялъ для Петра его главную заботу; для возведенія его бастіоновъ, складовъ и набережной, каменьщики были привезены изъ Голландіи. Крѣпостца поднялась изъ береговой отмели; для царя построили лѣтній дворецъ и послали небольшую флотилію, для защиты устьевъ Двины. Архангельскъ, вмѣстѣ съ Петербургомъ, былъ однимъ изъ такихъ мѣсть, гдѣ Петръ назначилъ построить городъ, который, въ одно и то же время, былъ бы и крѣпостью и портомъ.

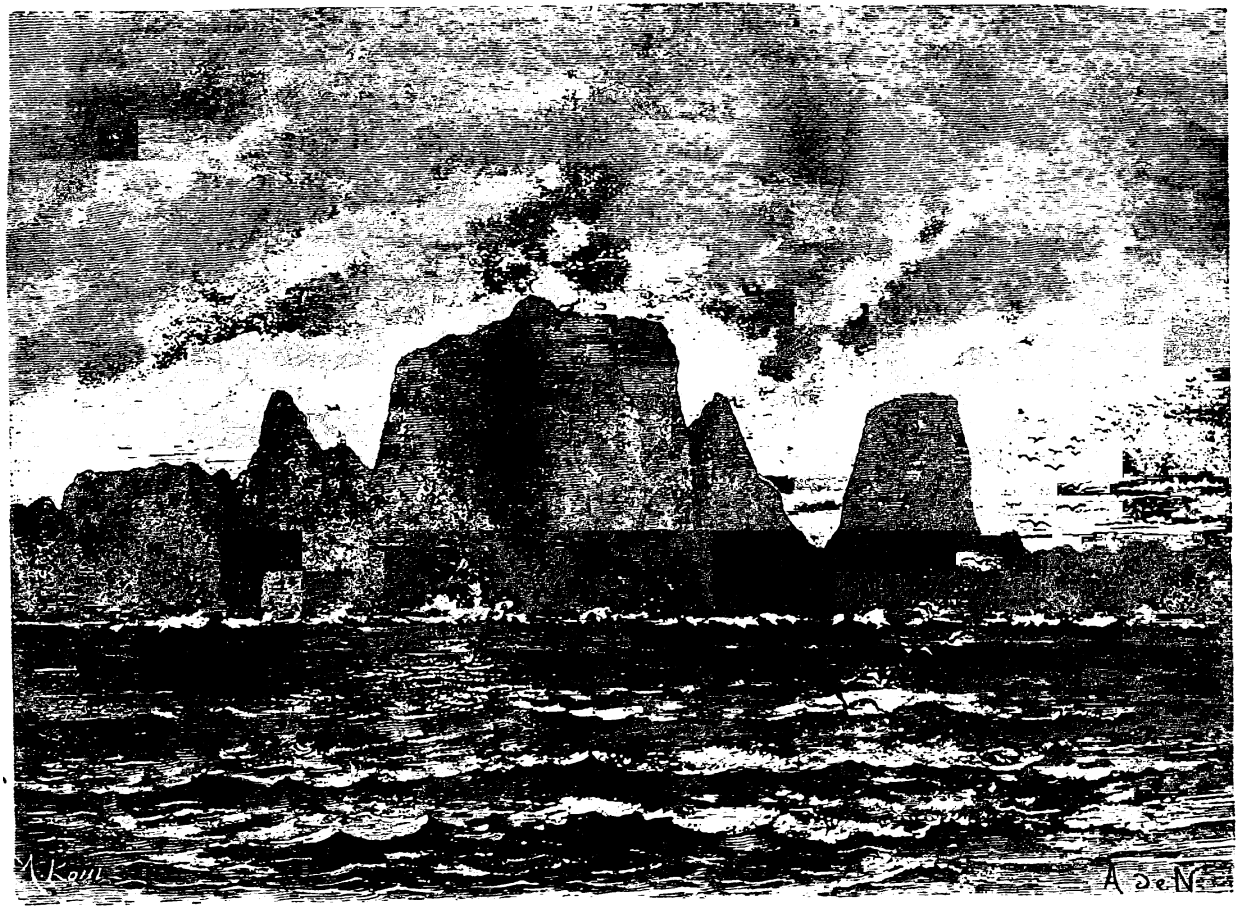
Городъ Іоанна, также какъ и городъ Петра, исчезли, каждый въ свою очередь. Отъ города, построеннаго Іоанномъ, не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ, будучи построенъ изъ дерева, онъ давно уже сгнилъ и уничтоженъ пожарами. И фортъ, и монастырь все еще защищаютъ и украшаютъ городъ, но они возведены въ новѣйшее время. Отъ города Петра, хотя онъ и казался прочнымъ какъ самая земля, тоже сохранилось очень немного; на берегу Двины видна груда арокъ, раскололовшихся отъ мороза и почернѣвшихъ отъ дыма, хорошенькій кіоскъ выглядываетъ изъ-за березъ острова Моисея: вотъ и все!

Въ глазахъ европейца, Архангельскъ можетъ показаться слишкомъ переполненнымъ церквами, какъ дельта Двины переполнена крестами; но въ европейскихъ глазахъ городъ есть только складъ овса и смолы, мѣховъ и досокъ, тогда какъ его жителямъ онъ является жилищемъ св. Архангела, Соловецкимъ портомъ и Божьими вратами.

ГЛАВА III.

Странники.—Отецъ Иванъ.—Пассажиры.

Всѣ славянскія племена любятъ скитаться, вести, такъ сказать, кочевую жизнь; они охотно дѣлаются ходебщиками или бродягами. Въ русскомъ же эта склонность къ скитальческой жизни сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ славянскомъ племени, и проявляется, между прочимъ, въ странничествѣ. Здѣшніе странники не похожи на тѣ толпы веселыхъ и суетныхъ женщинъ и дѣтей, которыя можно встрѣтить въ Сициліи и въ Южной Франціи послѣ сбора винограда. То—ряженые, взявшіе посохъ пилигрима изъ шалости; они кончаютъ свое богомолье праздникомъ на постояломъ дворѣ и танцами въ тѣни платановъ. Но здѣшніе сѣверные богомольцы серьезны и печальны какъ самый сѣверъ. Они никогда не смѣются, лишь изрѣдка мелькнетъ на ихъ лицахъ улыбка; всѣ движенія ихъ степенны; единственная радость ихъ жизни—молитва и славословіе. Я встрѣчалъ этихъ богомольцевъ много разъ и въ разныхъ мѣстахъ, передъ ракою св. Сергія подъ Москвою и передъ яслями въ Виѳлеемѣ: и вездѣ видѣлъ то же благоговѣніе, смиреніе, ту же душевную твердость. Только вчера я помогъ одному такому смиренному русскому переѣхать черезъ Двину, на пути изъ Соловецкаго монастыря къ Кіевскимъ угодникамъ. Спускаясь къ Двинѣ, я увидѣлъ его, стоящаго на колѣняхъ, съ лицомъ склоненнымъ съ молитвою къ землѣ. Онъ ждалъ на перевозѣ проѣзжаго, который бы перевезъ его вмѣстѣ съ собою. Было еще темно; дулъ холодный, порывистый вѣтеръ, но лицо этого смиреннаго человѣка производило умиротворяющее впечатлѣніе: спокойное и кроткое, оно блистало внутреннимъ свѣтомъ и



«Мать и Дочери», скалы на Бѣломъ морѣ.

неземнымъ міромъ. Міръ не много для него значилъ, какъ можно было видѣть изъ его рубища, его разбитой чашки, его корки черствaго хлѣба; но когда онъ поклонился и поблагодарилъ меня за перевозъ, я не могъ не подумать, что хорошо было бы, если бы мы, одѣтые въ тонкое бѣлье и питающіеся вкусною пищею, походили на этого нищаго.

Это хожденіе по святымъ мѣстамъ далеко не праздничное развлеченіе и не отдохновеніе послѣ рабочей поры: это дѣло жизни и смерти. Оно имѣетъ свои степени. Вѣрный своему призванію, странникъ будетъ ходить отъ святыни къ святыни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ помощью Божіею онъ будетъ стараться, обойдя свои родныя святыни, дойти до долины Назаретской и попасть въ Виѳлеемъ и на гору Сіонъ. Нѣсколько сотъ русскихъ богомольцевъ ежегодно совершаютъ это богоугодное дѣло. Они примиряются съ небомъ, цѣлуя камни гроба Господня. Конечно, бѣднѣйшіе и слабѣйшіе никогда не достигнутъ такой степени благодати, но и родная земля ихъ священна; Россія—земля угодниковъ, и конечно лучше перенести труды странствія, чѣмъ коснѣть дома въ лѣни и грѣхѣ.

Богомольцы идутъ пѣшкомъ толпами. человѣкъ въ 50—60,—мужчины, женщины и дѣти; каждый съ посохомъ въ рукѣ и бутылкою для воды у пояса. Дѣти жалобнымъ голосомъ, на-распѣвъ просятъ милостыни, и эта просьба всегда исполняется, такъ какъ народъ воображаетъ, что, подавая милостыню богомольцу, подаетъ самому Богу, и что она всегда вознаградится.

Между этими странниками попадается много, очень много простыхъ бродягъ, торгующихъ благочестіемъ; они таскаютъ съ собою различные священные предметы и продаютъ ихъ за высокую цѣну служанкамъ и суевѣрнымъ старухамъ.

Человѣкъ, который въ былое время кочевалъ бы за своими стадами, теперь ищетъ свободы въ странничествѣ, увольняя себя отъ податей и налоговъ, отъ жены и ребятъ. Это нищій—обманщикъ и бродяга; ему лестно слышать привѣтствіе старыхъ и малыхъ: «куда тебя, человѣкъ Божій, Господь несетъ».

Рано или поздно такой человѣкъ попадаетъ въ компанію богомольцевъ, а съ нимъ и его возлюбленная. Вы встрѣтите ихъ на дворѣ каждаго дома. Они пробираются заднимъ ходами, имѣя при себѣ для продажи реликвіи, часто равно драгоцѣнныя въ глазахъ служанки и госпожи; тутъ есть камешекъ изъ Назарета, капля воды изъ Іордана, ниточка отъ хитона, кусочекъ истиннаго креста. Это смѣлый-

шіе духомъ; но тысячи такихъ бродягъ блуждаютъ по странѣ, разсказывая зѣвакамъ про видѣнное ими по святымъ мѣстамъ, гдѣ мощи святыхъ ежедневно совершаютъ чудеса; они опишутъ и защиту Соловецка и поразскажутъ о нетлѣнныхъ тѣлесахъ въ Печерскѣ. Но между этими странниками есть и искренне благочестивыя души, блуждающія по землѣ въ поискахъ за тѣмъ, что онѣ считаютъ высочайшимъ благомъ. Есть и богатые, но богатство прахъ передъ Богомъ; наравнѣ со своимъ нищимъ братомъ, богатый богомолецъ беретъ свой посохъ и идетъ пѣшкомъ.

Большею частію эти странники выпрашиваютъ свое дневное пропитаніе у народа, столь же бѣднаго деньгами и почти столько же богатаго дарами вѣры. Какъ хаджи, идущій въ Мекку, богомолецъ, зашедшій въ Архангельскъ, по пути въ Соловецкій монастырь есть святой человѣкъ, что-то въ родѣ духовнаго лица. Крестьянинъ, думающій, что приходъ къ нему странника приноситъ благословленіе дому, не только дастъ ему пріютъ на ночь, но и помогаетъ, чѣмъ можетъ, на дорогу. Еслибы старшина ему позволилъ, онъ и самъ бы присоединился къ богомольцамъ, но если онъ не можетъ идти тѣлесно, онъ пойдетъ къ святыни духовно: монахи отслужатъ за него молебенъ, и, чтобы заплатить за него, онъ отдаетъ свою послѣднюю копѣйку въ руки оборваннаго богомольца, съ полною увѣренностью, что тотъ скорѣе умретъ, чѣмъ злоупотребитъ его довѣріемъ.

Бѣглые изъ Сибири берутъ въ руки посохъ и надѣваютъ одежду странника. Въ такомъ видѣ человѣкъ можетъ пройти почти безъ всякаго риску отъ Перми до Архангельска, хотя бы онъ былъ заклейменъ и съ фальшивымъ паспортомъ. На двинскихъ лодкахъ такихъ исторій разсказываютъ множество.

Крестьянинъ одной деревни близъ Архангельска, въ жару ссоры, убилъ своего отца, но такъ, что на него не падало ни малѣйшее подозрѣніе. Дѣло бы такъ и кануло въ воду, если-бы не сосѣдъ Иванъ, бывшій свидѣтелемъ преступленія. Ванька былъ слабаго характера и суевѣренъ. Каждый день ему слышался внутренній голосъ, приказывавшій донести о преступленіи. Убійца, наблюдавшій за нимъ денно и нощно, замѣтилъ, что дѣло не ладно. Разспросивъ его, онъ узналъ, къ своему ужасу, что Ванька не можетъ ни пить, ни ѣсть, пока эта страшная тайна лежитъ на его душѣ. Что ему было дѣлать? Онъ началъ ему грозить.

«Слушай, Ванька,—сказалъ онъ рѣшительно,—ты хоть и дуракъ, а

вѣдь не хочешь, чтобы я тебѣ запустилъ ножъ въ глотку? — Оборони Господи, вскричалъ Ванька. — «Такъ помни же, не болтай лишняго, а то я тебя убью!

Ваньку это такъ напугало, что онъ сейчасъ же пошелъ въ полицію, и донесъ обо всемъ, что зналъ. На этомъ основаніи, его пріятеля арестовали, судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ безъ срока. Ванька былъ главнымъ свидѣтелемъ и, на основаніи его показанія, судья произнесъ свой приговоръ. Тутъ разыгралась сцена, которую никогда не забудутъ видѣвшіе ее. Преступникъ былъ смѣлъ и спокоенъ, а Ванька, его обвинитель, дрожалъ съ головы до ногъ; когда произнесли приговоръ, убійца обернулся къ своему пріятелю и сказалъ яснымъ, твердымъ голосомъ: «Ванька, попомни мои слова; сегодня на твоей улицѣ праздникъ: я иду въ Сибирь, но я еще вернусь и уже покончу тебя. Смотри-же!»

Прошло много лѣтъ и всѣ забыли объ угрозѣ, кромѣ Ваньки, который слишкомъ хорошо зналъ своего прежняго пріятеля, и каждую ночь ожидалъ, что она будетъ для него послѣдняя. Наконецъ пришла развязка. Ваньку нашли мертвымъ въ постели, съ перерѣзаннымъ горломъ, а рядомъ въ кабакѣ лежалъ мертвецки пьяный его убійца. Онъ бѣжалъ съ рудниковъ, прошелъ пѣшкомъ по снѣгу съ посохомъ въ рукахъ и въ одеждѣ странника всю азіатскую Россію; въ окрестностяхъ Архангельска онъ ускользнулъ отъ своихъ спутниковъ, спрятался въ лѣсу, съ наступленіемъ ночи прокрался къ знакомому дому, и —исполнилъ свою угрозу.

Странника никто не подозрѣваетъ. Идетъ онъ себѣ три, четыре тысячи верстъ, вынося съ невѣроятною твердостью и жгучее солнце, и жгучій морозъ, и нисколько не ставитъ себѣ этого въ заслугу. Въ Москвѣ я слышалъ исторію трехъ сестеръ, уроженокъ этого города, посвятившихъ всю свою жизнь хожденію по святымъ мѣстамъ. Онѣ были очень умныя женщины, по ремеслу модистки съ большою практикою въ самомъ высшемъ свѣтѣ; еслибы только онѣ оставались спокойно на мѣстѣ, то могли бы жить припѣваючи и кончить дни въ довольствѣ. Но религіозный, кочующій духъ ихъ племени не давалъ имъ покоя. Каждый годъ онѣ отправлялись на поклоненіе въ Кіевъ, въ Соловецкій монастырь, въ Іерусалимъ. Хожденіе продолжалось сорокъ девять недѣль. Вернувшись, онѣ проводили дома недѣли три и снова отправлялись въ путь, одна, пѣшкомъ, по зимней стужѣ и лѣтнимъ жарамъ, искать спасенія своихъ душъ. Ни что въ мірѣ, кромѣ силы, влекущей араба че-

резъ пустыни, и мормона чрезъ прерію, — не сравнится съ этою силою.

Въ надеждѣ увидѣть этихъ странниковъ, отправиться вмѣстѣ съ ними въ Соловецкій монастырь и изучить ихъ на мѣстѣ, я обошелъ Нордъ-Капъ,—и каково было мое огорченіе, когда, сойдя съ корабля въ Архангельскѣ, я услышалъ, что уже послѣдніе богомольцы отправились въ путь, и что ни одна лодка не пойдетъ въ Соловки до мая мѣсяца будущаго года.

Раздосадованный извѣстіемъ, что лодки богомольцевъ уже всѣ отправились, и шагая по подворью богомольцевъ въ верхнемъ городѣ, я замѣтилъ порядочное количество загорѣлыхъ, исхудалыхъ людей въ овчинныхъ полушубкахъ. Эти богомольцы, также какъ и я, были задержаны бурями; у меня появилась надежда, что монахи не захотятъ отпустить эти бѣдныя души неутоленными, и постараются отправить еще одну лодку.

У воротъ подворья стоялъ маленькій монахъ съ дѣвическими развивающимися по вѣтру волосами и кудрявою бородою; съ трудомъ собирая мои слабыя познанія въ русскомъ языкѣ, я обращаюсь къ нему съ вопросомъ, гдѣ можно найти Соловецкую лодку.

— «Англичанинъ»?—спрашиваетъ меня по англійски юноша-монахъ.

— Да, отвѣчаю съ нѣкоторымъ удивленіемъ, такъ какъ мнѣ еще не случалось видѣть въ Россіи монаха, говорящаго на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ собственнаго.

— Пароходъ, продолжаетъ онъ, пересталъ уже ходить и теперь въ Соловецкомъ монастырѣ въ докѣ.

Этотъ монашекъ просто шутникъ! Что за сопоставленіе! монахи и доки въ такой странѣ, гдѣ существуетъ пристань, подобная Соломбальской!

— Въ докѣ! такъ у васъ на Святомъ островѣ есть и докъ?

А почему бы ему и не быть? Вы скажете, что у архангельскихъ купцовъ нѣтъ доковъ? да, это правда, но купцы не монахи, Видите-ли, соловецкіе монахи работаютъ, а архангельскіе купцы торгуютъ. Да, хорошій монахъ дѣлаетъ свое дѣло помаленьку, безъ хитрости. Вѣдь у васъ въ Лондонѣ есть доки?

— Да, но они построены не монахами.

— Въ Англіи у васъ нѣтъ монаховъ: а прежде вѣдь были, и тоже, чай, дѣлали что нибудь, а?

Да, этотъ карликъ просто дурачитъ меня! Какъ! монахи работаютъ!

доки на Бѣломъ морѣ! Разсказавъ мнѣ, гдѣ онъ выучился англійскому языку, маленькій человѣкъ успокоилъ меня извѣстіемъ, что хотя пароходъ уже отправился обратно въ Соловецкій монастырь, но что черезъ недѣлю или около того туда отправится другой пароходъ съ провіантомъ.

— Можете-ли вы мнѣ указать, гдѣ найти капитана этого парахода.

— Гмъ, отвѣчаетъ монахъ крестясь и бормоча про себя молитву, я его шкиперъ.

Какъ! этотъ карликъ, въ монашеской рясѣ и клобукѣ, съ женскими каштановыми кудрями, капитанъ морскаго судна! При второмъ взглядѣ на его маленькую фигурку, я обратилъ вниманіе на его живые, блестящіе глаза, загорѣлое лицо, его, хотя маленькіе, но твердые зубы. Несмотря на его монашескую рясу и дѣвическое лицо, въ немъ есть что-то говорящее о силѣ и власти, свойственныхъ капитану корабля.

— Такъ вы можете меня провести на своемъ параходѣ?

— Вы—англичанинъ и хотите видѣть святыя гробницы. Ну, это новость! Еще ни одинъ человѣкъ изъ вашихъ не былъ въ Соловецкомъ. Они пріѣзжаютъ сюда покупать, а не молиться. Иной разъ они пріѣзжаютъ сюда и драться.

Послѣднія слова были сказаны шепотомъ и сквозь зубы, причемъ монахъ прищелкнулъ пальцами, что вышло въ высшей степени комично въ такомъ смиренномъ и маленькомъ человѣчкѣ. Одна англичанка въ Онегѣ разсказывала мнѣ нѣсколько дней тому назадъ, что, будучи въ Соловецкомъ въ русскомъ обществѣ, она должна была скрывать свое происхожденіе изъ опасенія, чтобы монахи не убили ея. Женская фантазія, безъ сомнѣнія; но слова ея невольно припомнились мнѣ при видѣ нахмуреннаго лба монаха.

— Гдѣ же вашъ параходъ и какъ его зовутъ?

— Онъ въ нижней гавани, а зовутъ его Вѣра.

— Какъ зовутъ вашего капитана, обратился я къ другому монаху, тоже очевидно моряку; дѣйствительно это былъ помощникъ капитана Вѣры.

— Иванъ, отвѣчалъ монахъ огромнаго роста, съ смѣлыми глазами; но мы всѣ называемъ его Ванюшкой, потому что онъ такой маленькій, и мы всѣ его такъ любимъ!

Такъ какъ намъ придется прожить съ нимъ еще цѣлыхъ 10 сутокъ, то я лучше теперь разскажу все, что мнѣ удалось узнать объ этомъ странномъ маленькомъ капитанѣ. Отецъ Іоаннъ дитя здѣ-

шней природы; онъ родился въ лапландской деревушкѣ, недалеко отъ города Кеми; отъ самой колыбели предъ нимъ лежала тяжелая, безнадежная жизнь дровосѣка или рыбака,—двѣ единственныя карьеры, доступныя здѣшнимъ бѣднякамъ, гдѣ образъ жизни опредѣляется климатомъ и почвою. Лѣтомъ онъ коситъ сѣно и рубитъ дрова, зимою отправляется въ море на ловлю трески и нерпъ. Но мальчикъ былъ живой и смѣлый; онъ хотѣлъ видѣть свѣтъ и надѣялся въ будущемъ достигнуть лучшей доли. Но чтобы подняться, надо было учиться. Въ Кеми было шкиперское училище, очень плохое, правда, но все таки лучшее, чѣмъ совсѣмъ никакого. Въ это-то училище и рѣшился идти Иванъ; это былъ его первый рѣшительный шагъ въ жизни.

На востокъ отъ Кеми видна группа высокихъ, покрытыхъ лѣсомъ, острововъ, берега которыхъ при утренней зорѣ являются въ необыкновенномъ блескѣ. Они зовутъ васъ, точно волшебствомъ, куда-то въ какой-то рай. Они сплошь покрыты зеленью, а каждая возвышенность увѣнчана церковью съ золотымъ крестомъ. Это Соловецкіе острова. Мальчикъ ѣздилъ изъ Кеми на лодкѣ молиться этимъ святымъ мѣстамъ. Горящія свѣчи, пѣніе, обильный столъ подѣйствовали на его фантазію и на желудокъ, оставивъ въ его головѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Окончивъ курсъ въ шкиперскомъ училищѣ, онъ пришелъ въ Архангельскъ, попалъ въ компанію веселыхъ нѣмецкихъ матросовъ и рѣшился попытать счастья съ ними. Уѣхать безъ паспорта нельзя, а мальчикъ не надѣялся достать себѣ паспорта, и потому рѣшился на отчаянный шагъ: когда корабль былъ готовъ къ отплытію, онъ пробрался на него ночью и спрятался тамъ такъ, что портовая полиція не нашла его.

Взойдя на корабль подъ чужимъ именемъ, Иванъ принялъ вкусы своихъ новыхъ товарищей, выучился пить пиво и держать себя свободно, но ученье отца и священника не пропало даромъ: онъ сталъ страдать тоскою по родинѣ или, правильнѣе по вѣрѣ, какъ швейцарецъ тоскуетъ по своимъ Альпамъ, и египтянинъ по Нилу. Что было ему дѣлать? Мысль о возвращеніи на родину представлялась ему страшнымъ сномъ: тамъ его ждали, казалось ему, кнутъ, тюрьма, каторжная работа.

Потерпѣвъ крушеніе въ Венеціанскомъ заливѣ и бывъ на волоскѣ отъ смерти, онъ все болѣе и болѣе сталъ задумываться о своей душѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, его судна снова разбило на Норвежскомъ

берегу, такъ, что онъ едва спасся. Онъ не могъ болѣе жить безъ религіи и единственная религія, которая могла дать миръ его душѣ, была та, которую онъ исповѣдывалъ въ лучшіе дни своего дѣтства и юности.

Въ это время ему представился случай возвратиться въ Россію. Судно, на которомъ онъ служилъ, отправлялось въ Архангельскъ, и такъ какъ онъ былъ единственный русскій, то шкиперъ былъ очень радъ такой находкѣ. Но тутъ его обуялъ страхъ. Онъ хотѣлъ еще разъ повидать свою родину, поклониться роднымъ святынямъ, отдать матери кой-какія сбереженныя имъ деньги, но онъ отсутствовалъ 12 лѣтъ и ожидалъ, что за это его отправятъ въ Сибирь. Страхъ пересилилъ любовь, и онъ отвѣчалъ шкиперу, что не пойдетъ съ нимъ, а оставитъ корабль.

Но шкиперъ былъ не глупый малый. Онъ былъ долженъ Ивану порядочную сумму, и сказалъ, что не можетъ заплатить ему иначе, какъ въ Архангельскѣ, гдѣ онъ получитъ за фрахтъ. «Денежка счетъ любитъ», говоритъ пословица; ощупавъ свои пустые карманы, Иванъ подумалъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ вернуться на родину, получить свое жалованье, а остальное предоставить судьбѣ.

Съ выбритою бородою и подъ чужимъ именемъ Иванъ могъ остаться неузнаннымъ въ Архангельскѣ, еслибы не уступилъ соблазну отправиться съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ кабачекъ. Двѣнадцать лѣтъ воздержанія отъ водки заставили его забыть всю силу этого злаго духа; онъ напился до того, что потерялъ сознаніе, а когда на другое утро очувствовался, то узналъ, что корабль уже ушелъ въ море. Что было ему дѣлать? обратиться къ германскому консулу—но онъ обошелся бы съ нимъ какъ съ дезертиромъ;—къ русской полиціи?—но тутъ онъ боялся еще худшаго. Не зная куда дѣваться, онъ бродилъ по порту, гдѣ встрѣтилъ своего стараго школьнаго товарища, ставшаго теперь шкинеромъ и имѣвшаго свою собственную лодку, на которой совершалъ отдаленныя, смѣлыя путешествія. Въ это время онъ готовился къ поѣздкѣ на Шпицбергенъ за трескою, которую вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ отвести въ Кронштадтъ. Зная, что Иванъ хорошій морякъ, онъ взялъ его съ собою. Треска была наловлена и отвезена благополучно въ Кронштадтъ, но возвращеніе было несчастно. Иванъ въ третій разъ въ своей жизни потерпѣлъ крушеніе. Разбитый физически и нравственно, онъ рѣшился оставить море и, будь что будетъ, вернуться на родину.

Возвратившись въ Кемь, онъ былъ взятъ подъ стражу на томъ

основаніи, что бумаги его были не въ порядкѣ, и брошенъ въ острогъ, гдѣ и оставался цѣлый годъ безъ суда. Потомъ его отправили на лодкѣ въ Архангельскъ, приговоривъ къ двумъ годамъ работъ въ фортѣ, но какъ-то такъ случилось, что въ Архангельскѣ его допросили и отпустили на свободу. Мечта о зеленыхъ островахъ и золотыхъ верхахъ снова посѣтила его! Онъ отжилъ свою жизнь и хотѣлъ на покой. Кого удивитъ послѣ этого, что онъ сталъ соловецкимъ монахомъ. Въ монастырѣ его искусство пригодилось. Какъ разъ въ это время былъ купленъ въ Глазго пароходъ для провоза пассажировъ въ монастырь и обратно; по прибытіи его въ Архангельскъ, архимандритъ соловецкій Ѳеофанъ распустилъ всю шотландскую команду, съ тѣмъ, чтобы ея мѣста заняли монахи. Вначалѣ эти святые люди чувствовали себя очень странно на палубѣ; но, сдѣлавъ двѣ или три лѣтнія поѣздки подъ наблюденіемъ мѣстныхъ шкиперовъ, они постепенно привыкли къ дѣлу. Все-таки отецъ Іоаннъ для монастыря истинный даръ Божій: по крайней мѣрѣ, всякій ѣдущій на пароходѣ сознаетъ, что его жизнь въ рукахъ человѣка энергическаго и знакомаго съ моремъ и непогодами.

Дама, хорошо знакомая со страною, уложила въ корзину вещи, которыя мнѣ могли понадобиться въ монастырѣ: хорошій чай, языкъ, свѣжее масло, сыръ, ростбифъ и неизбѣжный бѣлый хлѣбъ. Все это уложили на дрожки, заложили подушками, покрыли одѣялами,—и мы отправились къ пристани.

Да, настоящая пристань, единственная въ Архангельскѣ, у которой пристаютъ пароходы и высаживаютъ пассажировъ съ помощью обыкновенной лодки. Причаленной веревкою къ кабестану, стоитъ хорошенькій пароходикъ, съ золотымъ крестомъ на фокъ-мачтѣ, съ священнымъ вымпеломъ на гротмачтѣ. Отецъ Іоаннъ стоитъ на мостикѣ, отдавая тихимъ голосомъ приказанія своей командѣ, большую часть, которой составляютъ монахи: помощникъ капитана, баталеръ, поваръ, машинистъ—всѣ въ рясахъ и клобукахъ.

Дворъ, гдѣ помѣщается пристань богомольцевъ, весь заваленъ щепками и стружками, вмѣсто мостовой; на немъ возвышается множество новыхъ монастырскихъ строеній: часовни, кельи, амбары, конторы, кладбище.

Такъ какъ пароходъ не можетъ подходить къ пристани въ верхнемъ городѣ, гдѣ было построено первоначальное подворье богомольцевъ, то монахи, уступая духу времени, оставили свои прежнія жилища въ городѣ и выстроили себѣ новое подворье ниже по теченію рѣки.

Елеазаръ Анзерскій.

Толпы мужчинъ и женщинъ, богомольцы, бродяги, солдаты, усѣяли всю пристань грудами корзинъ, чайниковъ, сухой рыбы, валенокъ, старыхъ ковровъ и шубъ, соленыхъ огурцовъ, чернаго хлѣба. Посреди всего этого печально и мягко пробираются монахи; одинъ помогаетъ ребенку пройти на пароходъ; другой доставляетъ даровой проѣздъ нищему, иной покупаетъ ржаной хлѣбъ для калѣки: всѣ такъ или иначе помогаютъ въ нуждахъ бѣднѣйшимъ изъ этихъ бѣдныхъ созданій. Несмотря на то, что время было уже позднее, около 200 богомольцевъ ждали на пристани, въ надеждѣ еще попасть на Святые острова. У большинства изъ нихъ есть деньги, чтобъ заплатить за проѣздъ, а нѣкоторые, говорятъ и богаты. Человѣкъ десять изъ богатѣйшихъ, уроженцы Архангельска, слишкомъ занятые лѣтомъ, когда ихъ кормилица рѣка полна кораблей, пользуются теперь застоемъ въ торговлѣ и экстреннымъ рейсомъ. Каждый принесъ съ собою корзину съ хлѣбомъ и рыбою, шкатулочку съ чаемъ, толстое одѣяло и пару валенокъ, одѣваемыхъ по ночь поверхъ сапоговъ. У этихъ мѣстныхъ богомольцевъ тоже въ рукахъ палка, но вмѣсто кожанаго пояса и бутылки съ водой, у нихъ чайникъ и чашка.

Цѣны за проѣздъ, очень низки: 1-й классъ 6 р., второй—4, третій 3 руб. Сюда входитъ дорога туда и обратно, съ помѣщеніемъ въ монастырской гостинницѣ и содержаніемъ въ теченіе пяти или шести дней. У нѣкоторыхъ бѣдняковъ богомольцевъ нѣтъ ни копѣйки, и на пристани поднимается вопросъ, слѣдуетъ ли ихъ везти или нѣтъ. Отецъ Іоаннъ и его помощникъ придерживаются общаго правила, что они не должны отказывать никому, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, въ проѣздѣ въ Соловецкій монастырь.

Колоколъ звонитъ, сходню убрали—и мы двинулись. При отходѣ отъ пристани, сотня головъ склоняется, сотня рукъ творитъ крестное знаменіе, каждый поручаетъ свою душу Богу. Все это повторяется при видѣ каждой новой церкви; при проходѣ нашего парохода мимо рыбачьихъ судовъ, рыбаки снимаютъ шапки, иные крестятся, становятся на колѣни и просятъ насъ помолиться за нихъ. Самые суетные изъ матросовъ бросаютъ свою работу и выражаютъ желаніе, чтобы Богъ далъ намъ попутнаго вѣтра.

Дуетъ крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ. Въ рѣкѣ онъ чувствуется только по холоду, проницающему до костей. Отецъ Іоаннъ съ иноческимъ пренебреженіемъ къ осторожности, оставляетъ въ сторонѣ Маймакскій

каналъ и, довѣрясь малой осадкѣ своего парохода, входитъ въ старый каналъ, какъ кратчайшій для прохода въ заливъ.

Еще прежде чѣмъ мы оставили рѣку, наши запасливые богомольцы начали попивать чаекъ и ужинать огурцами съ чернымъ хлѣбомъ. Распредѣленіе пассажировъ очень просто: только одинъ пассажиръ взялъ первый классъ. Въ полномъ его распоряженіи находится вся общая каюта; комната въ девять квадратныхъ футовъ съ диванами вокругъ, каюта, въ которой было бы отлично жить, если бы монахи не запрятали весь свой зимній запасъ сала въ ящики подъ сидѣнья. Во второмъ классѣ двое: шкиперъ съ женою; они много лѣтъ странствовали по свѣту, составили себѣ состояньице и теперь возвращались домой въ Кемь. «Ахъ! говорила бѣлокурая полная женщина, Англія хорошая страна, и чай у васъ славный»! Мужъ ея того же мнѣнія. «Предпочитаю ли я Кемь? Отчего же? У васъ въ Лондонѣ хорошее мясо и портеръ, но за то у васъ нѣтъ ни лѣта, ни зимы, у васъ все одно и тоже; ни холодно, ни жарко. То-ли дѣло проѣхаться на оленяхъ въ тридцать градусовъ мороза. Вотъ это такъ жизнь»!

Всѣ остальные богомольцы помѣщаются на палубѣ и въ трюмѣ; богатые, и бѣдные, и хромые, нищіе и купцы, шарлатаны и вѣрующіе,—пестрая группа, гдѣ живописецъ нашелъ бы типы Торквемады и Іонна Крестителя.—По одеждѣ и по акценту можно видѣть, что они явились со всѣхъ концовъ имперіи: изъ Украйны и Грузіи, изъ Крыма и съ Уральскихъ горъ, съ береговъ Финскаго залива и Желтаго моря. Многіе пришли пѣшкомъ, бредя зимою и лѣтомъ больше года.

Жизнь многихъ изъ моихъ спутниковъ похожа на сказку.

Одного такого безногаго бѣднягу подняли на пароходъ на рукахъ. Онъ одѣтъ въ лохмотьяхъ, но видя его терпѣливый взглядъ чувствуешь, что онъ примирился со своимъ положеніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что онъ изъ Пермской губерніи. Уже давно отморозилъ себѣ ноги и долго былъ болѣнъ; во время этой болѣзни онъ воззвалъ къ Савватію, далъ обѣтъ сходить, если поправится, на богомолье въ Соловецкій. Лишившись ногъ, онъ сохранилъ жизнь, и тогда, въ бѣдности и лохмотьяхъ, отправился въ путь, проползъ по скернымъ дорогамъ болѣе 2000 верстъ на своихъ обрубкахъ, вокругъ которыхъ онъ обернулъ грубый кожаный лубокъ. Другой богомолецъ, въ валенкѣ на одной ногѣ и въ лаптѣ на другой, представляетъ самый отталкивающій видъ. Это пьяница, идущій въ монастырь по обѣщанію. Лежа пьяный на берегу капала въ Вытегрѣ, онъ скатился въ воду и едва не утонулъ. Тутъ онъ обѣщался, если

св. угодники спасутъ его, сходить къ нимъ на богомолье. Одна женщина везетъ своего сына, красиваго мальчика лѣтъ 6—7, чтобы оставить его въ монастырѣ и сдѣлать впослѣдствіи монахомъ. Она перенесла много горя, потеряла мужа и состояніе, и теперь несетъ въ жертву единственное благо, остающееся у нея на землѣ; помѣстить сына въ монастырь, по ея убѣжденію, значитъ избавить его отъ всякаго земнаго и вѣчнаго зла. Бѣдняжка! Тяжело думать о ея судьбѣ, когда жертва совершится и одинокой женщинѣ придется снова вернуться въ міръ, но уже безъ ребенка.

Посреди этихъ группъ бросается въ глаза старикъ, съ развѣвающейся бородою и наружностью патріарха, не смотря на свои лохмотья. Это странникъ по обѣту на всю жизнь, которая проходитъ въ странствованіяхъ отъ одной святыни къ другой. Онъ былъ уже въ Назаретѣ и Вилеемѣ,—въ Новгородѣ и Кіевѣ; въ Соловки онъ отправляется уже въ третій разъ, и надѣется съ помощію Божіей обойти еще раза четыре главнѣйшія святыни и затѣмъ сложить кости на этихъ св. островахъ.

Многіе изъ этихъ богомольцевъ, даже самые ободранцы, приносятъ въ даръ монастырю не малыя суммы. Каждый опускаетъ свое пожертвованіе въ кружку, кто больше, кто меньше, смотря по средствамъ. Многіе приносятъ пожертвованія отъ сосѣдей и знакомыхъ, которые не имѣютъ возможности совершить такое долгое и опасное путешествіе, но тоже хотятъ послужить чѣмъ нибудь Богу.

Въ устьяхъ рѣки мы встрѣчаемъ флотилію рыбачьихъ лодокъ въ большой бѣдѣ: вѣтеръ крѣпчаетъ болѣе и болѣе, и мы слишкомъ хорошо видимъ, что до завтрашняго утра мы будемъ нуждаться въ помощи всѣхъ святыхъ, покровительствующихъ смертнымъ.

Отецъ Іоаннъ стоитъ на мостикѣ въ непромокаемомъ плащѣ, надѣтомъ поверхъ клобука и рясы, и направляетъ свой курсъ какъ опытный англійскій морякъ. Монахи встрѣтили бурю пѣніемъ псалмовъ, къ которому присоединились богомольцы и солдаты. Я вышелъ на минуту на палубу, потому что голоса этихъ энтузіастовъ, поднимающіеся къ къ небу посреди мученій и воплей, представляли что-то до сихъ поръ неслыханное мною. Многіе пѣвчіе лежали внизу въ трюмѣ, въ перемежку съ мѣшками съ рожью и бочками съ жиромъ; многіе страдали отъ кашля и стонали такъ, будто сердце у нихъ разрывалось, однако, болѣе половины этихъ страдальцевъ преусердно вторили прекрасному пѣнію иноковъ.

На слѣдующее утро, человѣкъ съ мостика заявилъ, что солнце встало,

но никто его не видѣлъ, повсюду повисъ густой туманъ, изъ котораго выходятъ только порывы вѣтра и потоки дождя.

«Вѣра» должна придти въ Соловецкую бухту около 12 часовъ; но рано утромъ отецъ Іоаннъ сообщилъ мнѣ по секрету, что мы не будемъ въ состояніи достигнуть порта до пяти часовъ, а когда прошелъ и этотъ часъ, онъ снова говоритъ мнѣ съ терпѣливымъ пожатіемъ плечъ, что намъ нужно перемѣнить курсъ, такъ какъ входъ въ бухту черезъ гряду скалъ, и что мы не можемъ въ нее войти до утра.

Найдя якорное мѣсто, мы стали на якорь не болѣе какъ въ $^{1}/_{2}$ верстѣ отъ земли, и занялись чаепитіемъ. Богомольцы пропѣли вечернюю молитву и, съ тысячью крестовъ и поклоновъ, мы поручили свои души Богу. Стоя близъ берега, подъ защитою лѣса, мы покачиваемся себѣ по немногу, но буря сердито воетъ за нами, и мы знаемъ что много непрочныхъ сѣверныхъ судовъ борются нынче всю ночь за жизнь. Датскій клиперъ «Эна» сѣлъ на мель, экипажъ спасенъ, но грузъ погибъ. Два русскихъ шлюпа разбились на нашемъ курсѣ: одинъ изъ нихъ разсѣкся по поламъ и пошелъ ко дну со всѣми находящимися на немъ. На первой вахтѣ вѣтеръ стихаетъ, проглядываетъ солнце, и глазамъ нашимъ представляются прямо передъ нами, немного къ западу, зеленые куполы и золотые кресты Соловецкаго монастыря,—радость и восхищеніе всѣхъ, какъ богомольцамъ, пришедшимъ поклониться имъ изъ за тысячъ верстъ, такъ и ихъ англійскому гостю.

Привѣтствуя молитвою святое мѣсто, мы шли вдоль берега, то покрытаго зеленью, то прерываемаго скалами; купаясь въ мягкомъ горячемъ солнечномъ свѣтѣ, мы прошли черезъ короткое плесо, гдѣ плескались тюлени, надъ которымъ носились голуби, и въ 8 часовъ утра покачивались уже въ защищенной бухтѣ подъ стѣнами монастыря.

ГЛАВА IV.

Святые острова.—Мѣстные святые.—Монастырское хозяйство.

Главнѣйшій въ группѣ острововъ у карельскаго берега, еще не достаточно изслѣдованныхъ и невѣрно опредѣляемыхъ на морскихъ картахъ, составляетъ Соловецкій. Это небольшой зеленый островокъ верстъ 16 длиною и 13 или 14 шириною. Постоянно бушующія вокругъ него волны пробили себѣ въ немъ множество заливцевъ, а по срединѣ, гдѣ стоитъ монастырь, воды почти встрѣчаются; едва полторы версты раздѣляютъ западную бухту отъ восточной.

Соловецкій островъ лежитъ на 65° широты; онъ окруженъ множествомъ прелестныхъ островковъ и скалъ. Вода между ними сѣдѣетъ отъ пѣны и трепещетъ подъ свѣтомъ яркаго солнца. Берега вездѣ покрыты зеленью и окаймлены лѣсами березъ и сосенъ. Здѣсь не видишь плоскихъ линій, какъ на корельскомъ и лапландскомъ берегахъ, всюду — волнистая поверхность. Каждая высота увѣнчана бѣлою церковью, съ зеленымъ куполомъ и золотымъ крестомъ. На одномъ изъ холмовъ стоитъ церковь побольше, на колокольнѣ которой зажигается огонь. Земля, море, небо—все на виду; все радость и красота въ глазахъ богомольцевъ послѣ бурной ночи.

Идя вдоль чрезвычайно удобной пристани, замѣчаешь за этою красотою природы дѣло рукъ человѣческихъ. На всѣхъ, самыхъ обыкновенныхъ предметахъ видна печать дѣятельности. Группы странныхъ людей покрываютъ набережныя; кого тутъ нѣтъ?—лопари, кореллы. Но скоро видишь, что это не только волшебный, но и цивилизованный островъ: обширная набережная, хорошая гавань, направо доки, о кото-

рыхъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, «Надежда», болѣе удобный чѣмъ «Вѣра» пароходъ для богомольцевъ лежитъ на штагахъ. Налѣво гостинница, чистая, свѣтлая; ни одна гостинница на берегу итальянскихъ озеръ не представляетъ болѣе веселаго и привѣтливаго вида. Топенантъ и кранъ, какихъ не увидишь даже въ торговыхъ портахъ, и конно-желѣзная дорога отъ гавани до складовъ.

По верхней набережной простирается стѣна съ воротами и башнями, а высоко надъ нею представляется взору дворецъ и монастырь съ куполами и крестами; отъ пристани ведетъ лѣстница къ Святымъ Воротамъ, а близъ тропинки отъ этой лѣстницы возвышаются двѣ часовни, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высадились вѣнценосные богомольцы Петръ Великій и Александръ Благословенный.

Все здѣсь является массивнымъ, прочнымъ, отъ многаго вѣетъ старинною. Не говоря уже о крѣпостныхъ стѣнахъ и башняхъ, построенныхъ изъ громадныхъ валуновъ, вырванныхъ со дна морскаго въ дни Іоанна Грознаго, дворецъ, церковь и колокольня, поднимающіеся изъза этихъ стѣнъ, древнѣе всякой другой постройки въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земнаго шара. Соборъ Преображенія древнѣе даже крѣпостныхъ стѣнъ. Другой соборъ Вознесенія построенъ въ то время, когда настоятелемъ монастыря былъ св. Филиппъ .Кромѣ вида древности, мѣстность оживлена красками и инстинктивнымъ чувствомъ искусства; каждая часовня, выглядывающая то тамъ, то здѣсь изъ за деревьевъ— цѣлая картина. Главный фасадъ древняго собора роснисанъ грубоватыми, но недурными фресками; подобныя же фрески покрываютъ основаніе Святыхъ Вратъ, между тѣмъ какъ куполы церквей и часовенъ блистаютъ яркою зеленью и позолотою. Самый замѣтный и дорогой въ глазахъ богомольцевъ куполъ роснисанъ лазурью и золотыми звѣздами; онъ увѣнчиваетъ новый соборъ, построенный въ воспоминаніе 1854 г., этаго года чудесъ, когда англійскій флотъ былъ побѣжденъ Богородицею. Внутри монастырь представляется еще болѣе прочнымъ и великолѣпнымъ, чѣмъ снаружи. Стѣна, ограда, гостинница, острогъ, крѣпость, церковь—всѣ построены изъ кирпича и камня. Всѣ сѣни и корридоры разрисованы часто въ грубомъ и первобытномъ стилѣ, но все-таки эти грубыя картины изъ св. Писанія имѣютъ смыслъ и значеніе выше морали бѣлой штукатурки. На иконостасахъ и колоннахъ въ церквахъ видны образчики высшаго искусства, хотя и здѣсь глазъ, привыкшій восхищаться лучшими произведеніями итальянской школы, склоненъ относиться слишкомъ недовѣрчиво и пренебрежительно. Рисунокъ ча-

сто слабъ, краски грубы; позолота слишкомъ ярка. Но это море позолоты и красокъ дѣйствуютъ и на глазъ, и на умъ, въ особенности при свѣтѣ свѣчъ и лампадъ, при дымѣ ѳиміама и при пѣніи монаховъ въ длинныхъ рясахъ и клобукахъ, выстроившихся предъ Царскими вратами.

Углубляясь въ отдаленнѣйшіе уголки этой группы острововъ, видишь что они также прекрасны. На каждомъ шагу окружаютъ лѣса и преслѣдуютъ озерки. Лѣса большею частію состоятъ изъ березы, называемой серебристой, и сосны альпійскаго вида. Они достаточно высоки, а внизу краснѣютъ массы ягодъ и полярныхъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ встрѣчаются прогалины съ видомъ на зеленую долину, въ глубинѣ которой дремлетъ прелестное озеро. Въ воздухѣ носится запахъ сѣна и какое-то незнакомое мнѣ благовоніе отъ травы, растущей на берегу прудовъ и озеръ. На каждомъ поворотѣ дороги намъ попадается хорошо вырѣзанный и окрашенный въ темно-красный цвѣтъ крестъ, между тѣмъ какъ каждая просѣка заканчивается разрисованною часовнею, кельею одинокаго инока. Глубокое молчаніе царствуетъ на небѣ и на землѣ. Но красота красотъ—это озера! Болѣе сотни этихъ очаровательныхъ зеркальныхъ озерковъ прячутся въ глубинѣ лѣса. Знаменитѣйшее изъ нихъ Святое озеро, лежащее подъ самою монастырскою стѣною. Но на мой вкусъ верхъ красоты—это Бѣлое озеро, по дорогѣ къ кельѣ св. Савватія и Сѣкирной горѣ. Святое озеро чернаго цвѣта, глубокое и прѣсное, хотя оно лежитъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ моря. У богомольцевъ оно имѣетъ свою функцію: по прибытіи въ Соловецкій монастырь, они отправляются купаться въ это озеро. Вода считается священною, освѣжающею духъ и очищающею тѣло. Не говоря ни слова, они идутъ въ купальню, сбрасываютъ свои лохмотья и бросаются въ воду. Ихъ примѣру не слѣдуютъ лишь нѣсколько горожанъ, дрожащихъ отъ одной мысли о такомъ спасительномъ купаньѣ. Послѣ купанья богомольцы отправляются обѣдать, а затѣмъ на молитву. Бѣлое озеро лежитъ верстахъ въ 12-ти отъ монастыря; въ зеленой котловинѣ съ лѣсистыми берегами и множествомъ прелестныхъ островковъ. Если бы св. Савватій былъ артистъ, то можно было бы не удивляться тому, что онъ избралъ такую мѣстность. Но главный островъ этого сѣвернаго рая имѣетъ одинъ важный недостатокъ. Смотря съ колокольни Сѣкирной горы на этотъ лабиринтъ моря и земли, озеръ и утесовъ, лѣса и кустарниковъ, луговъ и долинъ, причемъ каждая нѣжная полоска зелени, каждый темный поясъ сосенъ от-

мѣченъ бѣлою церковью, вы восхищаетесь, но въ то же время чувствуете, что чего-то недостаетъ, ваше сердце заявляетъ, что какъ ни роскошенъ кажется ландшафтъ, но ему не хватаетъ одного поэтическаго очарованія, именно живыхъ существъ. На лугахъ не видать стадъ, на отмеляхъ—табуновъ лошадей. Вдали не залаетъ собака, не замычитъ у озера корова. На всемъ протяженіи отъ Сѣкирной горы до монастырскихъ воротъ не увидишь ни одного животнаго. Человѣкъ здѣсь одинъ, и чувствуешь что онъ одинъ.

Этотъ недостатокъ въ ландшафтѣ радикальный, его нельзя отрицать, но нельзя и исправить, но не потому, чтобы скотъ не могъ пастись на этихъ холмахъ и въ лѣсахъ! Въ 4-хъ веретахъ отъ Соловецкаго стоитъ Заячій островъ, гдѣ пасутся овцы и скотъ, а далѣе — Муксальма, большой, покрытый лугами островъ, гдѣ помѣщаются птичій дворъ и фермы. Эти животныя жили бы и на Святомъ островѣ, еслибы ихъ не изгоняло оттуда монашеское правило; но любовь изгнана со святой земли. Здѣсь нѣтъ мѣста для матери, питающей и холящей свое дитя.—Огромный недостатокъ въ ландшафтѣ, въ другихъ отношеніяхъ радующемъ глаза и сердце: отрицаніе природы въ ея лучшихъ и нѣжнѣйшихъ проявленіяхъ.

Законъ для всѣхъ одинаковъ и поддерживается со строгостью, которую не сломитъ никакая власть. Никто изъ женскаго пола не можетъ жить на островѣ. Всѣ окрестные жители сильно проникнуты сознаніемъ грѣховности этого. Женщины, конечно, пріѣзжаютъ тоже на богомолье, но затѣмъ онѣ обязаны уѣхать. Она можетъ остановиться въ гостинницѣ, ѣсть въ трапезной, но обязана оставить монастырь до 9-ти часовъ вечера; къ нѣкоторымъ, болѣе почитаемымъ, святынямъ она не имѣетъ входа. Богомолецъ-мужчина можетъ оставаться въ монастырѣ цѣлый годъ, но женщина должна вернуться съ тѣмъ же судномъ, которое привезло ее на богомолье. По необыкновенному снисхожденію свыше, начальнику мѣстной военной команды, силою душъ въ шестьдесятъ, позволено имѣть при себѣ жену и дѣтей въ теченіе богомольческаго періода, т. е. отъ іюня до августа, но съ отходомъ въ Архангельскъ послѣдняго парохода съ богомольцами, онъ также долженъ оставлять свое жилище въ святомъ мѣстѣ. Царство благочестія и порядка приходитъ съ первымъ снѣгомъ,—и тогда уже ни одной женщинѣ не позволятъ ступить на островъ. Правила этого строго придерживаются въ Соловецкой бухтѣ подъ стѣнами монастыря, не такъ строго на Заячьемъ островѣ, Муксальмѣ и еще болѣе на отдаленныхъ остро-

Основатели Соловецкаго монастыря.

вахъ, гдѣ выстроены небольшіе скиты въ память жившихъ на тѣхъ мѣстахъ святыхъ. Въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ труднѣе защищать святыхъ людей отъ нашествія женщинъ. Карельскія дѣвушки разъѣзжаютъ лѣтомъ вокругъ этихъ острововъ днемъ и ночью, и потому на такихъ опасныхъ мѣстахъ дозволено жить только старцамъ.

Это изгнаніе женщинъ со Святаго острова было дѣломъ Савватія, перваго изъ здѣшнихъ святыхъ. Св. Савватій, первый соловецкій пустынникъ, однажды молился близъ озера, какъ вдругъ услышалъ крикъ какъ бы женскій. Его товарищъ сказалъ ему, что это должно быть мечта, такъ какъ вблизи ихъ пустыни не было женщинъ. Угодникъ снова сталъ на молитву, и снова былъ смущенъ стонами и плачемъ. Онъ отправился по берегу озера и нашелъ лежащую на землю молодую женщину, всю покрытую ранами. Это была жена рыбака. На вопросъ, кто причинилъ ей эти раны, она отвѣчала, что когда мужъ ея выѣхалъ съ острова, въ ея хижину пришли двое молодыхъ людей со свѣтлыми лицами, въ бѣлой одеждѣ, и сказали ей, что она должна слѣдовать за своимъ мужемъ, такъ какъ эта земля принадлежитъ Богу и ни одна женщина не должна жить на ней; затѣмъ они бросили ее на землю и начали бить своими жезлами.

Когда бѣдная женщина немного оправилась, она сѣла въ свою лодку и никогда не возвращалась болѣе на островъ. Такимъ образомъ женщина изгнана съ этого острова ангелами. Ни монахъ, ни міряпинъ не сомнѣваются въ дѣйствительности этой исторіи. Да и какъ сомнѣваться: здѣсь, до сегодня стоитъ бревенчатая келья, гдѣ жилъ св. Савватій, а въ 20-ти шагахъ отъ нея покрытый мхомъ берегъ, гдѣ онъ молился. За озеромъ, рядомъ съ этою группою сосенъ стояла хижина рыбака. Крутая гора, на вершинѣ которой блеститъ церковь и маякъ, до сихъ поръ называется Сѣкирной.

Св. Савватій происходилъ изъ Новгорода и былъ монахомъ въ старомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ; но жаждая большаго уединенія, онъ уговорилъ одного изъ братьевъ, по имени Валаама, уйти съ нимъ въ сѣверныя пустыни. Бояре его родины отправлялись тогда на сѣверъ, а какъ же святымъ людямъ не претерпѣть ради Бога того, что бояре и купцы претерпѣвали ради выгоды. Помолившись, эти бояре и купцы отправились къ архіепископу съ просьбою: «Позволь намъ, владыка, идти покорить новыя земли для св. Софіи». Основавъ поселеніе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, эти люди прибавили большую полосу земли къ владѣніямъ Великаго Новгорода. Слухи объ этихъ людяхъ подвиг-

нули св. Савватія идти по ихъ стопамъ и потрудиться въ этой пустынной странѣ, открытой ими.

Съ трудомъ пробираясь по дѣвственнымъ лѣсамъ и песчанымъ равнинамъ, св. Савватій съ товарищемъ Валаамомъ прибыли въ 1429 г. на Выгъ, гдѣ нашли благочестиваго монаха, именемъ Германа, тоже пришедшаго съ юга. Глядя на востокъ, на водную равнину, они замѣтили группу острововъ, и, снарядивъ легкую лодку, св. Савватій и Германъ переправились черезъ море. Приставъ къ самому большому изъ острововъ, они построили пустынь на берегу озерка, у подошвы холма, заросшаго до верху сосною и березою. Озеро было хорошо защищено, холмъ высокъ, а съ вершины его открывались взору острова и обнимающія ихъ волны до Орлова мыса на югѣ и до Кемскихъ высотъ на западѣ. Черезъ шесть лѣтъ Германъ отправился обратно на Выгъ, а св. Савватій, боясь умереть безъ покаянія и остаться безъ погребенія, переправился въ Сороку и пріобщился св. Тайнъ изъ рукъ отца Нафанаила, случайно посѣтившаго этотъ городъ; затѣмъ, покончивъ свое земное странствіе, онъ отошелъ на вѣчный покой.

У одного изъ смѣлыхъ новгородскихъ выходцевъ, поселившагося въ новой деревнѣ Толвуи, на берегу Онежскаго озера, былъ сынъ Зосима, съ дѣтства посвященный Богу. Зосима поступилъ въ Палеостровскій монастырь еще ребенкомъ, и достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ раздѣлилъ имѣніе между родственниками, и, взявъ въ руки посохъ, отправился на сѣверъ. Въ Сумскомъ посадѣ онъ встрѣтился съ Германомъ, который разсказалъ ему о своей жизни въ теченіе шести лѣтъ въ пустынѣ на уединенномъ утесѣ. Плѣненный этимъ разсказомъ, Зосима убѣдилъ Германа показать ему то мѣсто, гдѣ онъ такъ долго прожилъ съ св. Савватіемъ. Попутный вѣтерокъ принесъ ихъ въ маленькую спокойную бухту съ берегами, поросшими густымъ лѣсомъ. У самаго берега они увидали глубокое сіяющее озеро съ прѣсною водою, кишащее рыбою, необходимою пищей монаха.

Преклонивъ на пескѣ колѣни для молитвы, св. Зосима имѣлъ чудесное видѣніе, укрѣпившее въ немъ намѣреніе основать на этомъ уединенномъ островѣ религіозную колонію. Онъ увидѣлъ какъ бы во снѣ великолѣпный монастырь, съ воздымающимися куполами и башенками, стоящій на берегу этого прекраснаго озера, съ этихъ поръ извѣстнаго подъ названіемъ Святаго. Вставъ на ноги, онъ разсказалъ своему спутнику о видѣніи, которое имѣлъ, описалъ стѣны, Святыя врата, куны шпицевъ и куполовъ, однимъ словомъ, монастырь во всемъ блескѣ его

настоящаго величія. Они вырубили сосну, и сдѣлавъ изъ нея крестъ, водрузили его въ землю въ знаменіе того, что отнынѣ этотъ островъ принадлежитъ Богу и святымъ его. Это событіе произошло въ 1436 г. черезъ годъ послѣ смерти св. Савватія. Монахи выстроили себѣ кельи недалеко отъ этого креста, во въ разстояніи болѣе версты одна отъ другой, чтобы не мѣшать другъ другу въ благочестивыхъ упражненіяхъ. На этихъ мѣстахъ воздвигнуты въ память ихъ часовни.

Слухи объ этихъ юныхъ пустынникахъ разошлись по монастырямъ и монахи начали собираться къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Они приносили сильные мускулы и пылкія души для того, чтобы воздвигнуть въ этой дикой, холодной странѣ, среди этихъ дикихъ племенъ, храмъ Бога живаго. Современемъ вокругъ этаго креста стала церковь; а такъ какъ никто изъ этихъ пустынниковъ не имѣлъ священническаго сана, то они отправили посла къ Іонѣ, архіепископу новгородскому, прося у него благословенія на трудъ, а также назначенія настоятеля для совершенія церковной службы. Іона благословилъ ихъ и далъ имъ въ настоятели Павла. Павелъ отправился на сѣверъ и основалъ ихъ убогую церковь, но онъ не могъ выносить суровости климата. Послѣ него былъ настоятелемъ Ѳеодосій, потомъ Іона, но оба они, проживъ нѣкоторое время на островѣ, должны были удалиться по разстроенному здоровью. Тогда братья рѣшились просить архіепископа, чтобы онъ избралъ настоятеля изъ ихъ же рядовъ, какъ болѣе привычныхъ къ суровости климата, и просили Зосиму принять на себя это званіе. Зосима, не смотря на все свое уничиженіе, уступилъ для общаго блага, и отправился пѣшкомъ въ тысячеверстный путь безъ всякихъ дорогъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ былъ принятъ владыкою и посвященъ въ священническій санъ. Отъ старшины города и главныхъ бояръ онъ добился полной уступки острововъ, чего не могъ сдѣлать Іона, и возвратился въ монастырь священникомъ и настоятелемъ, со славою святаго человѣка, не знающаго ни въ чемъ отказа. Получивъ позволеніе на перенесеніе тѣла св. Савватія изъ Сороки въ Соловецкій монастырь, онъ положилъ его нетлѣнные останки въ склепъ зарождающейся церкви.

Съ тѣхъ поръ монастырь сталъ все болѣе и болѣе расширяться, монахи и богомольцы приливали отовсюду. Но по мѣрѣ увеличенія славы и богатствъ монастыря, на настоятеля и братію посыпались мірскія заботы. Кемскіе жители разглядѣли, что этотъ островъ на Бѣломъ морѣ былъ лакомымъ кускомъ, а сильные люди Онзерска и Муксальма начали оспаривать у монаховъ ихъ различныя права. Наконецъ, Зосима,

не смотря на свою глубокую старость, былъ принужденъ, взявъ въ руки свой пастырскій посохъ, отправиться въ Новгородъ въ надеждѣ лично увидить Марѳу Посадницу и однажды навсегда рѣшить вопросъ о его правахъ па эти скалы, выпросивъ у нея, чтобы настоятели Соловецкаго монастыря былъ облеченъ властью начальника надъ самою Кемью. На колоннѣ Софійскаго собора, въ новгородскомъ кремлѣ, цѣлый рядъ фрескъ изображаетъ исторію этаго посѣщенія. Одинъ рисунокъ въ особенности поразителенъ: онъ изображаетъ пиръ въ богатой залѣ, гдѣ столъ окруженъ гостями безъ головъ. Переходя по городу изъ дому въ домъ, св. Зосима почти во всѣхъ былъ встрѣчаемъ съ честью, подобающею его преклоннымъ лѣтамъ и славѣ. Но у кемскихъ бояръ были въ городѣ друзья, и Марѳѣ наговорили противъ монашеской хитрости и жадности. Отъ ея воротъ его отогнали съ презрѣніемъ, а у нея-то именно ему бы и хотѣлось быть принятымъ съ миромъ. Зная, что безъ ея помощи ему ничего не сдѣлать, Зосима рѣшился терпѣливымъ переживаніемъ событій побѣдить ея сопротивленіе. Наконецъ, она пожаловала ему грамату (отъ 1470 г. до сихъ поръ сохраняемую въ Соловецкомъ монастырѣ), подтверждающую его права на всѣ земли, озера, лѣса и берега Святыхъ острововъ отнынѣ и на вѣки.

Прежде чѣмъ св. Зосима оставилъ великій городъ, Марѳа пригласила его па пиръ, гдѣ онъ долженъ былъ проститься какъ съ нею, такъ и съ высшими боярами. За столомъ бояре замѣтили, что глаза его устремлены неподвижно въ пространство, а душа опечалена чѣмъ-то непзвѣстнымъ. «Въ чемъ дѣло?» вскричали гости. Онъ не хотѣлъ отвѣчать. Они стали пастаивать, столпились вокругъ него и увидѣли, что по щекамъ его текутъ жгучія слезы. На ихъ еще болѣе настойчивые вопросы онъ отвѣчалъ наконецъ: «Я вижу на пиру шесть бояръ и всѣ они сидятъ за столомъ безъ головъ!». Это-то видѣніе и изображено на колоннѣ въ св. Софіи. Преданіе говоритъ, что у всѣхъ бояръ, бывшихъ въ этотъ день за столомъ у Марѳы Посадницы, были отрублены головы Іоанномъ III, когда эта древняя гордая республика пала предъ покорителемъ Золотой Орды.

Зосима управлялъ Монастыремъ въ зданіи пастоятеля въ теченіи двадцати шести лѣтъ и перешелъ въ вѣчность послѣ сорока двухъ лѣтняго отшельничества па этомъ пустынномъ утесѣ.

На смертномъ ложѣ онъ сказалъ своимъ ученикамъ, что оставляетъ ихъ только телѣсно, что въ душѣ опъ будетъ по прежнему бдѣть и мо-

литься съ ними. Онъ просилъ ихъ ежечасно благодарить Бога за обѣщаніе, что монастырь ихъ пребудетъ во вѣки.

Около этого же времени умеръ въ Новгородѣ и третій святой, Германъ, спутникъ Св. Савватія и Зосимы. Его тѣло впослѣдствіи тоже перенесено въ Соловецкій и положено въ ракѣ близъ гробницы его славныхъ сподвижниковъ.

Заручившись по совѣту отца Іоанна рекомендательнымъ письмомъ отъ Архангельскаго Архіерея къ Архимандриту Соловецкому Ѳеофану, я былъ очень любезно принятъ послѣднимъ. Онъ отдалъ въ мое распоряженіе свой домъ и все свое хозяйство, свою лодку, экипажъ и кучера; употреблено было все стараніе, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Соловецкомъ пріятнымъ.

На святомъ островѣ живетъ около трехсотъ монаховъ. Впереди всѣхъ конечно архимандритъ, затѣмъ человѣкъ сорокъ іеромонаховъ, потомъ семдесятъ или восемьдесятъ, монаховъ, принявшихъ окончательное постриженіе, и наконецъ послушники и пѣвчіе.

Всѣ они различныхъ лѣтъ и состояній, отъ прелестнаго ребенка, служащаго за столомъ до дряхлаго старца, который ужь не выходитъ изъ кельи; отъ монаха благороднаго происхожденія и съ большимъ состояніемъ, до человѣка высадившагося на островъ бродягою. Всѣ они носятъ одинаковое платье, ѣдятъ за однимъ столомъ и ведутъ одинаковой образъ жизни. У каждаго брата отдѣльная келья, гдѣ онъ спитъ и работаетъ, но каждый, если только ему не препятствуютъ болѣзнь или дряхлость, должны приходить въ опредѣленные часы въ церковъ и трапезную; хорошая борода составляетъ гордость монаховъ, но пока она не выростаетъ, юноша расчесываетъ и холитъ свои волоса съ совершенно женскимъ кокетствомъ. Смотря въ церкви на толпу послушниковъ, съ открытыми головами, съ волосами, распущенными по плечамъ, ихъ легко можно принять за прекрасный полъ.

Не многихъ изъ этихъ монаховъ можно назвать обыкновенными людьми. Есть нѣсколько ярыхъ фанатиковъ, дрожащихъ за спасеніе своихъ душъ; еще большее число обладаетъ естественнымъ призваніемъ къ монашеской жизни. Порядочное число присланы сюда на исправленіе изъ другихъ русскихъ монастырей. Эти послѣдніе составляютъ соль момонастыря, они вся его сила. Вина, за которую ихъ ссылаютъ часто излишняя ревность, ученый и критическій духъ, наклонность находить ошибки, желаніе реформы, стремленіе къ чистотѣ религіи первыхъ временъ. За такую безпорядочность ума простой монахъ не находитъ со-

страданія, и путешествіе въ Соловецкія пустыни считается единственнымъ средствомъ противъ такихъ болѣзней. Архимандритъ, назначаемый Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, долженъ быть человѣкомъ ученымъ, способнымъ руководить братьями и управлять монастыремъ; онъ долженъ часто поститься, много молиться, рано вставать и вести святую жизнь. Монахи постоянно наблюдаютъ за святою главою. Если онъ строгъ къ самому себѣ, онъ можетъ быть строгъ и съ ними. Но горе ему, если онъ поблажаетъ плати, если носитъ тонкое бѣлье, любитъ сладко поѣсть, а главное—выпить. Онъ найдетъ критика и шпіона почти въ каждомъ монахѣ.

Не легко угодить всѣмъ: одинъ желаетъ болѣе строгой жизни, другой находитъ дисциплину слишкомъ суровой. Съ каждой почтой отправляются въ Синодъ жалобы и доносы, пока наконецъ не произведется дознаніе, и не съумѣвшій ужиться начальникъ переводится—ради сохраненія мира,—въ какое нибудь другое мѣсто.

У Соловецкаго Архимандрита есть три главныя помощника: экономъ, казначей и ключарь.

На экономѣ лежитъ обязанность, вести всѣ мірскія дѣла монастыря. Онъ устраиваетъ помѣщеніе для богомольцевъ, присматриваетъ за судами, и доками, за земледѣліемъ и фермами, отправляетъ лодки на рыбную ловлю, ведетъ дѣла со шкиперами, покупаетъ и продаетъ, наблюдаетъ за мастерскими и распредѣляетъ рейсы пароходовъ. Онъ ремонтируетъ церкви и гробницы, наблюдаетъ заодеждой монаховъ, смотритъ за кухней, кельями и дворомъ, заказываетъ книги и эстампы, управляетъ живописною мастерскою и фотографіей и наконецъ заботиться о томъ, чтобы у каждаго было все необходимое.

Обязанность казначея принимать всѣ пожертвованія и расплачиваться по счетамъ. Доходъ монастыря происходитъ изъ двухъ источниковъ: отъ произведеній монастырскихъ мастерскихъ и отъ приношеній богомольцевъ. Трудно опредѣлить сколько именно онъ получаетъ изъ каждаго источника, потому что приношенія опускаютъ въ кружку, такъ что лѣвая рука даятеля не знаетъ сколько кладетъ правая. Я слышалъ что такихъ приношеній бываетъ тысячъ на сорокъ но эта цифра кажется далеко ниже дѣйствительной, доходящей тысячь до восемдесяти. Милостыни монаховъ не знаютъ границъ; въ голодныя зимы крестьяне и рыбаки идутъ въ монастырь за хлѣбомъ даже отъ Орлова мыса и Кандалакской губы. Ихъ въ монастырѣ всегда накормятъ и снабдятъ хлѣ-

бомъ на дорогу. Школы тоже стоятъ не мало, потому что монахи принимаютъ всѣхъ мальчиковъ, приходящихъ къ нимъ.

Обязанность ключаря смотрѣть за монастырскимъ гардеробомъ, а также за книгами, бумагами и граммотами, за драгоцѣнными сосудами Его мѣсто въ разницѣ съ сокровищами которой онъ хорошо знакомъ. начиная отъ письма Кирилищею, которымъ Марфа Посадница отдаетъ этотъ островокъ монахамъ, до священнаго ковчега, гдѣ сохраняются нѣсколько обломковъ англійскихъ гранатъ вмѣстѣ съ мощами святыхъ и частями истиннаго креста.

ГЛАВА V.

День богомольца.—Молитва и трудъ.— Бомбардировка.

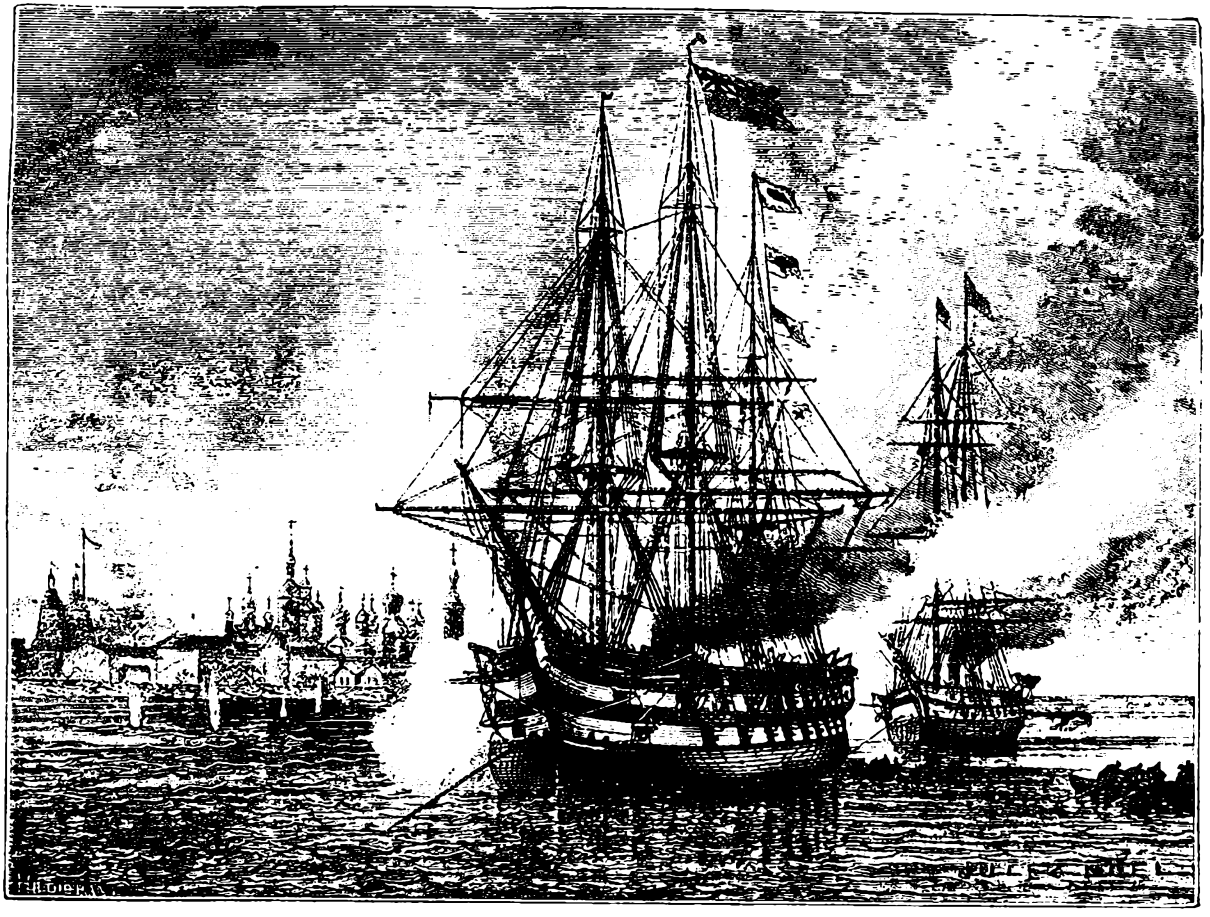
День богомольца начинается съ ранняго утра и продолжается до поздней ночи.

Въ два часа ночи, когда въ нашихъ кельяхъ чуть только смерклось, по корридору проходитъ монахъ, звоня въ колоколъ и повторяя: «Вставайте на молитву». Вскакивая при этомъ крикѣ съ нашихъ постелей, мы накидываемъ на себя платье и выбѣгаемъ изъ нашихъ натопленныхъ комнатъ на чистый воздухъ, спѣша въ безпорядкѣ къ Святымъ Воротамъ.

Въ половинѣ третьяго начинается заутреня въ новомъ соборѣ, гдѣ покоятся мощи св. Зосима и Савватія. Иконостасъ освѣщенъ сотнями лампадъ и свѣчъ. Богомольцы, поклонившись предварительно святымъ мощамъ, становятся лицомъ къ алтарю, рядами одинъ за другимъ, такъ чтобы не мѣшать другъ другу становиться на колѣни и кланяться въ землю. Заутреня кончается только въ 4 часа.

Въ старомъ соборѣ заутреня начинается въ половинѣ четвертаго и кончается въ половинѣ пятаго. Самые ревностные изъ богомольцевъ, по окончаніи первой заутрени въ новой церкви, торопливо бѣгутъ въ старый соборъ, чтобы и тамъ застать часть службы.

Остающееся до 7-ми часовъ время богомольцы проводятъ или въ молитвѣ на гробницахъ святыхъ, или въ прогулкѣ по длинной крытой галлереѣ, соединяющей нѣсколько церквей и другихъ монастырскихъ строеній. По стѣнамъ этой галлереи изображены неискусною грубою рукою райскія блаженства и адскія муки. Эти картины поражаютъ бого-



Бомбардированіе Соловецкаго монастыря.

мольцевъ, хотя изображенные въ нихъ ужасы гораздо слабѣе тѣхъ, которые видишь въ готическихъ монастыряхъ на Рейнѣ. У русскаго иконописца мало разнообразія въ замыслѣ. Чортъ у него всегда выходитъ въ видѣ обезьяны съ остроконечнымъ хвостомъ и огненнымъ языкомъ, а самый адъ просто въ видѣ горящаго мѣста, гдѣ грѣшники или поджариваются врагомъ рода человѣческаго, или же попадаютъ въ пасть чудовищнаго медвѣдя. Однако, дѣти иногда падаютъ въ обморокъ, а женщины безумѣютъ отъ страха, при видѣ этихъ ужасовъ. Я же въ это время разсматриваю чудесное изображеніе Іерусалима; мнѣ говорятъ, что монахъ, написавшій это, видѣлъ Святой градъ въ сонномъ видѣніи. Изучивъ хорошенько подробности, я узнаю въ этомъ видѣніи святаго отца планъ Масличной горы и Сіона, скопированный со старинной греческой гравюры!

Все это время богомольцы должны воздерживаться отъ пищи.

Въ 7 часовъ колокола возвѣщаютъ раннюю обѣдню, и мы снова возвращаемся въ новую церковь къ обѣднѣ, продолжающейся часа полтора.

Послѣ ранней обѣдни слабѣйшіе изъ богомольцевъ позволяютъ себѣ выпить чашку чаю, но лучшіе изъ нихъ отказываютъ себѣ въ этомъ утѣшеніи, считая его навожденіемъ лукаваго, да и первымъ недолго приходится побаловаться любимымъ напиткомъ. Большой монастырскій колоколъ, даръ нынѣ царствующаго Императора, и тоже одинъ изъ свидѣтелей года чудесъ, возвѣщаетъ намъ, что начинается важнѣйшая служба дня.

Ровно въ 9 часовъ, монахи собираются въ соборъ къ поздней обѣднѣ, и мы снова стоимъ болѣе двухъ часовъ на гранитномъ полу, съ открытыми головами, многіе босые, и слушаемъ съ восторгомъ дѣйствительно превосходное пѣніе.

По окончаніи обѣдни, мы медленно отливаемъ обратно въ галлерею, гдѣ, черезъ нѣсколько минутъ, монахъ приглашаетъ въ трапезную, что принимается всѣми, даже самыми набожными, съ благодарнымъ взглядомъ.

Трапезная, куда мы входимъ, не совсѣмъ въ порядкѣ: большая комната со сводами, подъ соборомъ; во всякой другой странѣ ее назвали бы склепомъ. Но люди строятъ сообразно съ климатомъ. Одна и та же церковь не годится для лѣта и зимы, поэтому она часто раздѣляется на верхнюю и нижнюю: первая служитъ для лѣта, вторая для зимы. Трапезная въ Соловецкомъ монастырѣ собственно зимняя церковь.

Длинные столы идутъ вдоль комнаты и окружаютъ колонну, поддерживающую потолокъ. На нихъ уже поставлена первая перемѣна; передъ каждымъ гостемъ оловянная тарелка, деревянная ложка, ножикъ и вилка, а съ боку фунтъ чернаго хлѣба. Богомольцамъ, также какъ и монахамъ, подается одна миска на четверыхъ.

Между каждою миской стоитъ оловянная тарелка съ солеиою салакушкою, раздѣленною на четыре части, и съ четырьмя ломтиками лука. Къ каждой мискѣ дается мѣдная чашка съ квасомъ и блюдо холодной разварной трески, искрошенной на мелкіе кусочки.

Звонитъ колоколъ. Мы встаемъ, крестимся и снова садимся. Старшій у миски бросаетъ въ похлебку щепотку соли и перца и размѣшиваетъ ее ложкою. Раздается второй ударъ колокола: мы опускаемъ наши деревянныя ложки въ блюдо съ трескою. Чтецъ становится къ аналою, и затягиваетъ житіе святыхъ, между тѣмъ какъ молодой монашекъ разноситъ вокругъ корзину съ благословеннымъ бѣлымъ хлѣбомъ, или просфорою, разломанною на куски. Каждый богомолецъ беретъ кусокъ хлѣба и ѣстъ его, крестясь отъ времени до времени.

Третій колоколъ: всѣ примолкли: раздается молитва. Служки подаютъ вторую перемѣну. Это мальчики съ розовыми щеками, гладкими подбородками, длинными локонами, однимъ словомъ, совершенныя дѣвочки.

Вторая перемѣна состоитъ, изъ капустной похлебки. Звонитъ четвертый колоколъ; опять всѣ крестятся; снова входятъ служки, убираютъ прежнія миски и подаютъ слѣдующую перемѣну, состоящую изъ ухи изъ свѣжихъ сельдей, очень вкусной. Затѣмъ, звонитъ пятый колоколъ и подается четвертое и послѣднее блюдо: ячменная похлебка съ простоквашею. По шестому удару колокола богомольцы встаютъ, чтецъ останавливается на полусловѣ, и обѣдъ конченъ. Обѣдъ, но не обрядъ обѣда: вставъ со скамеекъ, мы снова становимся въ ряды; женщины, обѣдавшія въ отдѣльной комнатѣ, возвращаются въ трапезную, и мы поемъ, всѣ вмѣстѣ, благодарственную молитву. Затѣмъ, всѣ стоятъ минуту въ молчаніи со склоненными головами; въ это время монахи снова раздаютъ благословенный хлѣбъ, и снова поется благодарственный гимнъ, послѣ чего обѣдавшіе расходятся освѣженные.

Теперь около двѣнадцати часовъ, слѣдующая служба будетъ только въ 4. Въ этотъ промежутокъ времени мы можемъ обойти монастырь, поглядѣть на Святое озеро, осмотрѣть раку св. Филиппа, посѣтить могилы монаховъ, полюбоваться священными ризами и монастырскими

драгоцѣнностями. Каждый идетъ куда ему угодно, нѣкоторые разбрелись по окрестностямъ, полнымъ могилами и часовнями. Другіе купаются въ Святомъ озерѣ. Многіе отправились къ кельямъ монаховъ, продающихъ кресты, образки и пр.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ отправились въ лодкахъ на болѣе отдаленные острова: на Заячій, гдѣ два старыхъ монаха присматриваютъ за стадами овецъ; на Муксальму, еще болѣе мірское мѣсто, гдѣ пасутся стада и помѣщаются птичьи дворы. Эти острова снабжаютъ монастырь молокомъ и яйцами.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ, замѣтивъ, что для сопровожденія ихъ англійскаго гостя назначенъ особый монахъ, смѣкаютъ, что лучшій способъ все видѣть — это слѣдовать за нимъ. Теперь они идутъ въ его свитѣ въ монастырскую ризницу, гдѣ хранится богатая коллекція ризъ, вышитыхъ цвѣтами и золотомъ, и блистающихъ рубинами, алмазами и жемчугомъ. Многіе пожертвованы императорами и царями. Одна изъ самыхъ дорогихъ — даръ Іоанна Грознаго. Но даже эта роскошная одежда блѣднѣетъ передъ даромъ Императора Александра, пославшаго архимандриту — въ воспоминаніе побѣды, — полное облаченіе, начиная отъ митры и посоха, и кончая ризою и башмаками.

Безъ четверти въ четыре часа колоколъ снова призываетъ насъ къ вечернѣ; черезъ три четверти часа она кончилась, и мы снова слоняемся по галлереѣ до 6-ти, когда начинается всенощная, кончающаяся въ половинѣ осьмаго.

Въ восемь звонятъ къ ужину. Все наше общество собирается при этомъ желанномъ звукѣ. Монахи открываютъ шествіе, богомольцы слѣдуютъ за ними; все движется съ голодною торжественностью къ трапезной, гдѣ столы покрыты, какъ и за обѣдомъ, хлѣбомъ, соленою салакушкою и квасомъ.

Ужинъ есть повтореніе обѣда, съ тѣми же молитвами, крещеньемъ, колоколомъ и житіемъ святыхъ. Единственная разница та, что на ужинъ не даютъ простокваши.

Монастырскія ворота запираются въ 9 часовъ, а въ два часа ночи монахъ опять подойдетъ къ его дверямъ, зазвонитъ въ свой колоколъ и призоветъ къ обязанностямъ слѣдующаго дня.

Если въ Соловецкомъ на молитву посвящается много времени, то на трудъ его посвящается еще болѣе. Этотъ монастырь настоящій улей и по трудолюбію, и по искусству.

«Молитесь и трудитесь» было всегда девизомъ монастырей. «Моли-

тесь и трудитесь», говорилъ Петръ Великій своему Совѣту. Но такое правило не гармонируетъ съ существующимъ порядкомъ, но гармонируетъ съ Византійскою церковью, и то, что видишь въ Соловецкомъ монастырѣ, происходитъ изъ древнѣйшаго и лучшаго источника. Здѣсь ни одинъ монахъ не ведетъ праздной жизни. Не только простые монахи, но и іеромонахи и самъ настоятель посвящаютъ свое время и таланты на пользу общую. Вокругъ всѣхъ этихъ валовъ, внутри стѣнъ, встрѣчаешь ряды мастерскихъ, изъ которыхъ слышится гулъ работы съ утра до поздней ночи: кузницы, молочныя, солеварни, верфи, пекарни, ткацкія, канатныя, швейныя, пивоварни, сапожныя мастерскія и т. п. во всѣхъ видахъ, напоминаютъ промышленность цивилизованныхъ странъ. Эти монахи знаютъ кажется всѣ ремесла. Они дѣлаютъ почти все, что только можно себѣ представить; отъ четокъ до кораблей, и все, что они дѣлаютъ, превосходно. Нигдѣ не найдешь хлѣба бѣлѣе, кваса слаще, чѣмъ въ Соловецкомъ. Осматривая здѣсь все, каждую минуту натыкаешься на неожиданности. Вначалѣ все кажется сномъ, трудно себѣ представить, что всѣ эти вещи дѣлаются монахами, на пустынномъ островѣ, отдѣленномъ отъ всего міра въ теченіе восьми мѣсяцевъ бурями и льдами. Монахи дѣлаютъ шапки и пояса изъ тюленьей шкуры; они пишутъ масляными красками и рѣжутъ на деревѣ; занимаются леченіемъ и дубятъ кожи; они вяжутъ шерстяные чулки и льютъ чугунъ, прядутъ и мотаютъ нитки, шлифуютъ камни, шьютъ башмаки и валяютъ войлоки; они выдѣлываютъ оловянныя тарелки, сушатъ фрукты и рубятъ деревья; вырѣзываютъ изъ бумаги цвѣты, дѣлаютъ телѣги и сани; вышиваютъ повязки и воротнички; обжигаютъ кирпичъ, плетутъ корзинки и коробки изъ бересты;—обтесываютъ каменныя глыбы и расписываютъ деревянныя ложки; они очищаютъ воскъ, сучатъ канаты и веревки; куютъ якоря и свайки, вяжутъ и шьютъ. И по всѣмъ этимъ отраслямъ промышленности, вещь, сдѣланная ими, есть образецъ добросовѣстной работы.

Многіе находятъ поле для своихъ талантовъ на фермѣ; разводятъ скотъ, сажаютъ картофель, косятъ сѣно, стригутъ овецъ, воспитываютъ куръ, бьютъ масло и дѣлаютъ сыры.

Нѣкоторые предпочитаютъ болѣе поэтическую дѣятельность,—садоводство, воздѣлывая клубнику, отроивая пчелъ и заготовляя на зиму плоды. Медъ съ Александровской горы прозраченъ и вкусенъ; воскъ тоже чистъ и бѣлъ.

Монастырскую пекарню стоитъ посмотрѣть; со всѣхъ прибрежныхъ

деревень пріѣзжаютъ сюда покупать хлѣбъ, а часто и просить его; каждый богомолецъ, уѣзжая отсюда, беретъ съ собою коврigу хлѣба, какъ прощальный даръ. Монастырскій хлѣбъ двухъ сортовъ,—черный и бѣлый, для домашняго употребленія и освященный. Оба они очень хорошіе.

Пивоварня въ своемъ родѣ не менѣе совершенна, чѣмъ пекарня. Квасъ—національный напитокъ русскихъ, онъ замѣняетъ пиво и потребляется всѣми классами населенія. Монастырь славится своимъ квасомъ. Говоря о съѣдобномъ, осмотримъ кстати мастерскія для выдѣлки тарелокъ и расписыванія ложекъ. Образъ жизни въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ, простъ. Ножи и вилки употребляются рѣдко. Главное орудіе за столомъ—ложка. Почти вся пища здѣсь подается вареною. Посрединѣ стола ставится глубокая чашка и всѣ присутствующіе размѣщаются вокругъ, вооруженные объемистыми ложками. Чашки и ложки вырѣзаны изъ дерева, и чисто искусно и со вкусомъ разрисованы, хотя изящнѣйшія изъ нихъ сохраняются богомольцами на память, а не для дѣйствительнаго употребленія.

Въ связи съ вырѣзываніемъ ложекъ и блюдъ находится искусство плетенія корзинъ и коробовъ. Глиняная посуда въ лѣсахъ неудобна и дорога, а въ долгомъ сухопутномъ путешествіи вѣсъ трехъ или четырехъ горшковъ и чашекъ былъ бы серьезнымъ затрудненіемъ. Изъ бересты монахи плетутъ различныя, чрезвычайно легкія и удобныя корзинки и туюса. Они вполнѣ сухи, съ чуть-чуть слышнымъ, чрезвычайно пріятнымъ смолистымъ запахомъ, дѣлаются различныхъ величинъ и стоютъ крайне дешево.

Между многими мастерскими, слѣдуетъ замѣтить ткацкую, въ одной изъ башенокъ монастырской стѣны. Башенка эта замѣчательно не только произведеніями своихъ станковъ, а также и тою ролью, которую она играла въ защитѣ Соловецкаго монастыря противъ англійскаго флота. Выстрѣлъ, который, говорятъ, пробилъ бокъ у фрегата «Брискъ», былъ сдѣланъ съ этой Ткацкой башни.

Надъ солнечнымъ уголкомъ вала выглядываетъ фотографическій павильонъ; тутъ же, въ новомъ рядѣ строеній, помѣщаются кельи, гдѣ работаютъ живописцы и финифтщики. Солнце воспроизводитъ все, что ни попадется: лодки, острова, богомольцевъ, монаховъ; но художники, работающіе въ этихъ кельяхъ, изображаютъ только религіозные предметы. Нѣкоторые изъ нихъ просто копировальщики, да и самыхъ искусныхъ изъ нихъ можно назвать артистами только въ условномъ смыслѣ.

Монахи гордятся, и не безъ основанія тѣмъ, что дѣла ихъ на морѣ важнѣе дѣлъ на землѣ. Многіе изъ нихъ постоянно на морѣ и привязываются къ нему, какъ къ молоку матери. Они хвастаются своими лодками, снастями и неводами. Они сучатъ превосходные канаты и веревки. Они умѣютъ разставить баканы на опасныхъ мѣстахъ и проходахъ, и содержатъ собственные маяки. Они строятъ шкуны и шлюпы, и на опытѣ убѣдились, что могутъ построить и пароходъ, каждая часть котораго отъ малѣйшаго винтика до гротъ-мачты (съ единственнымъ исключеніемъ машины) составляетъ ихъ произведеніе.

Пароходъ этотъ «Надежда»; команда ея состоитъ почти исключительно изъ монаховъ. Командиръ ея не простой монахъ, какъ отецъ Іоаннъ, а іеромонахъ. Я въ первый разъ увидалъ этого шкипера—священника передъ Царскими вратами, когда онъ служилъ обѣдню. Святой отецъ повелъ меня послѣ службы осмотрѣть свой пароходъ и докъ, гдѣ онъ стоялъ. Будучи здѣшней постройки и оснастки, «Надежда» имѣетъ въ моихъ глазахъ интересъ, какимъ не обладаютъ другіе пароходы. Пароходъ, построенный монахами на Бѣломъ морѣ, такой же высокій подвигъ ума, какъ шпицъ собора Богоматери въ Антверпенѣ. Мысль о постройкѣ этого парохода зародилась въ монашескомъ мозгу, чертежъ былъ составленъ рукою монаха; монахи рубили деревья, ковали болты, ткали паруспну, сучили канаты. Монахи собрали вмѣстѣ всѣ части, выкрасили каюты, набили сидѣнья и подушки, монахи спустили его на воду, и затѣмъ ходятъ на немъ изъ порта въ портъ.

«Какъ научились вы ремеслу шкипера?»

Монахъ улыбается. Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30 или 32, съ смуглыми щеками, черными глазами, каштановыми волосами, однимъ словомъ, наружность, подходящая къ роли пирата въ какой-нибудь добродѣтельной драмѣ. «Я въ юности былъ морякомъ, отвѣчаетъ онъ, и когда для монастыря понадобился шкиперъ, я отправился въ Кемь, въ шкиперское училище, и получилъ отъ начальника его свидѣтельство, дающее мнѣ право командовать пароходомъ.

— Такъ, значитъ, совѣтъ училища не очень строгъ?

— Не съ монахами. У насъ свои обычаи. Мы работаемъ для Господа и Онъ хранитъ насъ.

— Обыкновенными человѣческими средствами?

— Нѣтъ, своею правою рукою, на глазахъ у всѣхъ. Видите-ли, первый разъ, какъ мы поѣхали отсюда въ Архангельскъ, мы были совсѣмъ непривычны къ новому дѣлу. Началась буря. «Надежду» выбросило на бе-

регъ. Другіе сейчасъ же бросились бы въ люки и погубили корабль, а можетъ и сами бы погибли. Мы же стали молиться Пречистой. Вначалѣ она не услышала насъ по грѣхамъ нашимъ, но мы все-таки не теряли надежды, а продолжали молиться и пѣть, пока, наконецъ, не утихла буря.

— И вы все стояли на мели?

— Да, пароходъ увязъ въ песчаномъ днѣ; но затѣмъ вѣтеръ перемѣнился, пароходъ стало подбрасывать, и мы вытянули его канатами на вольную воду. Это Пречистая намъ пособила!

Докъ, о которомъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, оказался не простымъ, а сухимъ докомъ. А докъ, даже и обыкновенный, есть одинъ изъ такихъ признаковъ, по которому можно судить, также какъ и по крѣпости городскихъ стѣнъ, богатству судовъ и красотѣ общественныхъ садовъ, о степени развитія страны. Въ Россіи доки необыкновенная рѣдкость: ни въ Архангельскѣ, ни въ Астрахани, ни въ Ростовѣ нѣтъ доковъ. Они есть только въ такихъ городахъ, которые, какъ Рига, Одесса, Кронштадтъ построены и населены иностранцами. Сухой докъ въ Соловецкомъ монастырѣ есть единственный примѣръ подобнаго сооруженія собственно въ Россіи, и онъ продуктъ монашеской предпріимчивости и искусства.

Во всѣхъ этихъ работахъ участвуютъ и іеромонахи. При полученіи этого сана, онъ можетъ, если хочетъ, посвятить себя, исключительно, церковной службѣ, но въ Соловецкомъ монастырѣ іеромонахъ рѣдко ограничиваетъ свою дѣятельность только этимъ. Трудъ есть знакъ религіозной жизни. Если у монаха проявляется талантъ къ какому-нибудь искусству или работѣ, поощренія товарищей и начальниковъ побуждаютъ его развивать этотъ талантъ, работая во славу Бога. Одинъ монахъ фермеръ, другой — живописецъ, третій — рыбакъ, кто собираетъ лекарственныя травы, кто переписываетъ рукописи, кто переплетаетъ книги.

Званіе школьнаго учителя одно изъ такихъ, которыхъ болѣе всего добиваются. Всѣхъ дѣтей, привозимыхъ въ Соловецкій монастырь, принимаютъ на годъ, а иногда и болѣе. Школы здѣсь примѣняются къ состоянію страны. Ученье производится по первобытнымъ способамъ, а пища и жилье лишь чуть лучше, чѣмъ въ крестьянскомъ быту. Никого не отпускаютъ необученнымъ, но очень немногихъ удерживаютъ болѣе года. Если мальчику понравится въ монастырѣ, онъ можетъ наняться въ работники. Лѣтомъ онъ питается, также какъ и монахи, хлѣбомъ, рыбою, квасомъ, а зимою ему отпускается соленая баранина, — роскошь

недоступная монахамъ. Многіе изъ этихъ мальчиковъ остаются здѣсь на всю жизнь, живя въ безбрачіи, какъ и монахи. Они навсегда обезпечены здѣсь отъ нужды и отъ семейныхъ заботъ, хотя и не обезпечены отъ набора. Иные постригаются. Тѣ же, которые вздумаютъ вернуться обратно въ міръ, навѣрное найдутъ хорошія мѣста. Во всякомъ случаѣ они не пропадутъ, потому что мальчикъ, проживший нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, умѣетъ хорошо воздѣлывать землю и ловить рыбу: онъ и обѣдъ самъ себѣ сваритъ, и сапоги самъ зачинитъ.

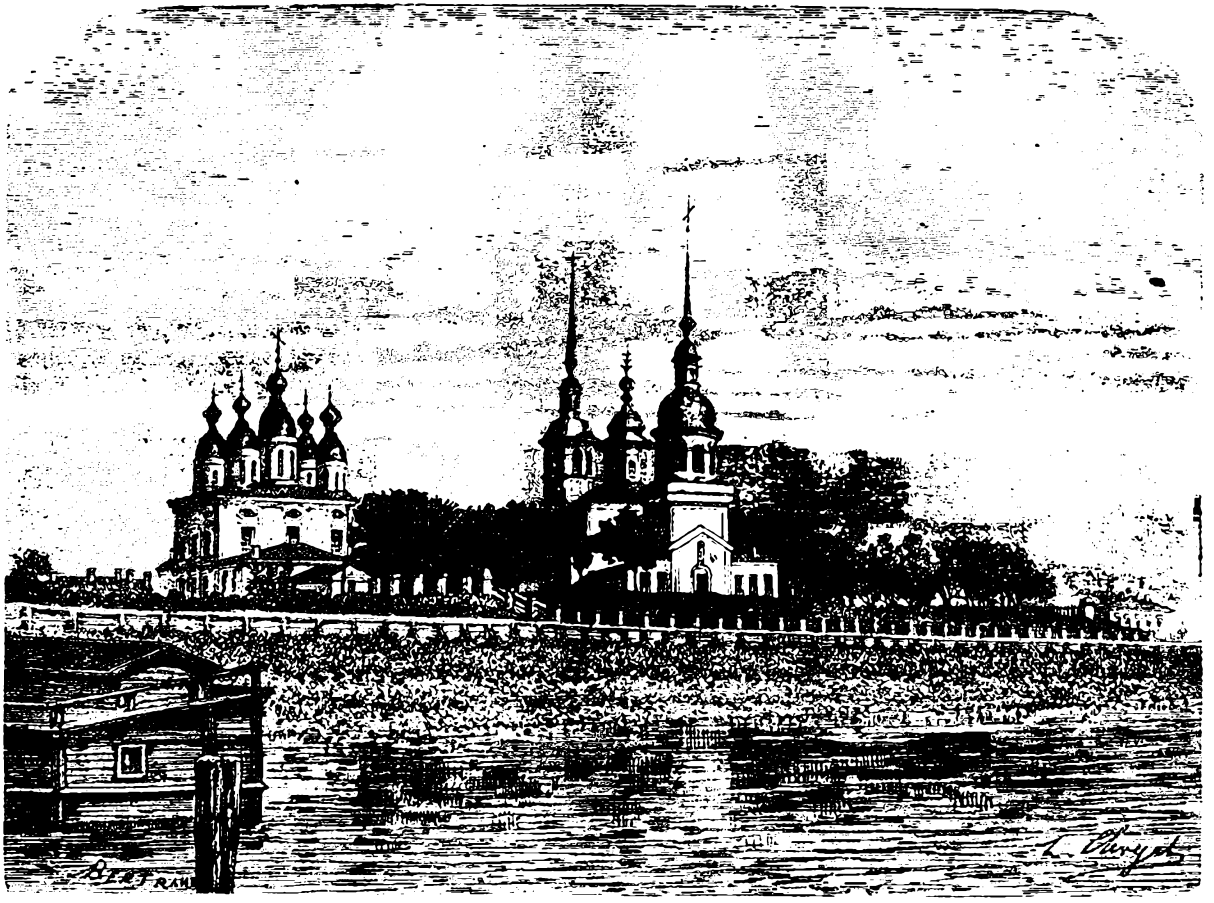
Величайшимъ чудомъ новѣйшаго времени черпымъ духовенствомъ считается защита Соловецкаго монастыря противъ англо-французской эскадры въ 1854 году.

Въ Соловецкой ризницѣ сохраняются главнѣйшія сокровища монастыря: старинныя грамоты и документы, жалованныя грамоты на земли, рескриптъ Петра Великаго, рукописное житіе Зосима и Савватія, служебники, богато переплетенные въ золото, мечъ Пожарскаго, золотые и серебряные сосуды, паникадила, кресты, подсвѣчники. Самое же драгоцѣнное изъ этихъ сокровищъ помѣщается по срединѣ подъ стекляннымъ колпакомъ и хранится въ доказательство этого поразительнаго чуда, сотвореннаго Св. Дѣвою. Это англійская граната и два круглыхъ ядра съ надписями. Кромѣ того, хранятся нѣсколько обломковъ отъ бомбовыхъ трубокъ.

Богомольцы раскупаютъ массы эстамповъ, на которыхъ англійскіе корабли изображены подъ монастырскими стѣнами, и такъ близко, что люди могли бы выпрыгивать изъ нихъ на берегъ. Между этими свидѣтельствами защиты замѣчательна великолѣпная чаша, — даръ Россіи въ память того славнаго дня, когда монастырь выдержалъ нападеніе.

Когда въ Петербургѣ получилось извѣстіе о томъ, что англійскій флотъ отправляется въ полярныя моря, военное министерство издало обычныя распоряженія. Изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь было отправлено шесть старыхъ осадныхъ орудій, годныхъ только для музея, съ пятью артиллеристами и пяти-десятью строевыми солдатами, выбранными изъ инвалидовъ. Ихъ сопровождалъ офицеръ, умершій еще до начатія осады.

Тогдашній архимандритъ, отецъ Александръ, приказалъ совершать усиленныя моленія въ разныхъ церквахъ и часовняхъ въ стѣнахъ монастыря.



Церковь въ Архангельскѣ.

Въ первую минуту страха монахи отправили всѣ драгоцѣнности, ризы, документы внутрь страны; тѣмъ, которые повезли эти драгоцѣнности, архимандритъ далъ свое благословеніе и совѣтъ. «Знайте, сказалъ онъ имъ при разставаніи, что гдѣ бы вы ни были, мы не перестанемъ молиться и поститься за васъ, вы дѣлайте то же, и Богъ сохранитъ васъ и ввѣренныя вамъ вещи»! Когда пришло извѣстіе, что англійскіе корабли крейсируютъ противъ архангельскаго бара, нѣкоторые изъ монаховъ упали духомъ. «Всѣ насъ оставили, вздыхали они, въ жертву за чужіе грѣхи». За десять дней до прибытія эскадры, архимандритъ отслужилъ обѣдню, чтобы ободрить ихъ слабыя души, а потомъ обратился къ нимъ съ такими словами: «Не печальтесь, что мы кажемся слабыми, а врагъ силенъ. Положитесь на Господа, на его Святую Матерь и на Св. угодниковъ, обѣщавшихъ, что монастырь не погибнетъ во вѣкъ».

Іисусъ Христосъ сотворилъ ради нихъ такое чудо, какого еще не видѣлъ свѣтъ. Лучь надежды прокрался въ ихъ сердца; они наполнили водою ведра, чтобы тушить въ случаѣ надобности пожаръ и вытащили на свѣтъ Божій изъ монастырской оружейной пики и бердыши, лежавшіе тамъ со временъ Петра Великаго. Изъ Кеми и Сумы въ монастырь пришли дѣти, посвященныя родителями Богу, и многіе пики и бердыши попали въ эти дѣтскія руки. «Огонь вашихъ кораблей, говорилъ мнѣ одинъ монахъ, не испугалъ даже малыхъ сихъ. Они спокойно играли бомбами, какъ невинными игрушками. Ни одно дитя не пострадало».

Когда эскадра приблизилась, Александръ снова обратился къ братьямъ. «Мужайтесь, вскричалъ онъ, мы не такъ слабы, какъ кажемся, ибо Богъ возлѣ насъ».

Во вторникъ утромъ (1 іюля 1854 г.) часовые замѣтили два фрегата, обходящіе Бѣлужскій носъ.—Архимандритъ наложилъ трехдневный постъ. Фрегаты стали на якорь въ 10 верстахъ отъ берега;—архимандритъ сталъ служить молебны и обошелъ съ чудотворною иконою Божіей Матери вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Тогда фрегаты снялись съ якоря и ушли.

Такъ какъ корабли направились къ Кеми, то можно было опасаться, что они еще вернутся. Прапорщикъ, командовавшій инвалидною ротою, вышелъ на берегъ, съ двумя трехъ-фунтовыми орудіями, между тѣмъ какъ многіе изъ богомольцевъ и рабочихъ предложили свои услуги въ качествѣ волонтеровъ. Офицеръ выстроилъ изъ песку и дерну батарею,

за которою и поставилъ свои пушки. На стѣнахъ же и башняхъ монастырскихъ поставили 8 малыхъ орудій, послѣ чего монахи снова стали молиться.

На другой день, на лѣтнемъ небѣ показалась струя дыма. Два корабля вошли въ бухту. Первый началъ стрѣлять, по словамъ монаховъ, «Брискъ». Архимандритъ, стоявшій на набережной былъ едва не убитъ ядромъ; люди его, напуганные ревомъ выстрѣловъ, убѣжали въ монастырь и старались запереть за собою Святыя Ворота.

Съ Ткацкой башни, гдѣ было всего десять человѣкъ команды и одно орудіе, отвѣчали на огонь; при этомъ англійскій фрегатъ, говорятъ, направилъ свои залпы на башню и стѣну. Съ башни отвѣчали, но съ бережливостью и осторожностью, такъ какъ у нихъ было мало пороха. «Брискъ», говорятъ, далъ тридцать залповъ, между тѣмъ какъ съ башни выстрѣлили всего только три раза, послѣ чего фрегатъ отошелъ, такъ какъ у него ядромъ пробило бокъ и убило одного человѣка.

Ночь была проведена въ радости и молитвѣ, къ ночи кораблей не было уже въ виду, но никто не чувствовалъ себя еще въ безопасности и не спалъ въ монастырѣ.

Слѣдующій день былъ праздникъ Казанской Божіей Матери. Заутреня была отслужена, какъ обыкновенно, въ половинѣ третьяго, архимандритъ служилъ съ твердостію, точно объ опасности и помину не было. Только что кончили молебенъ, какъ съ «Бриска» пришла лодка съ бѣлымъ флагомъ съ требованіемъ сдачи. Письмо было писано по англійски и сопровождалось дурнымъ русскимъ переводомъ, въ которомъ слово *эскадра* было переведено словомъ *эскадронъ*. Посовѣтовавшись съ монахами, которые отъ всего сердца посмѣялись надъ идеею, что ихъ съ моря аттакуетъ кавалерія, архимандритъ сказалъ парламентеру, что онъ отошлетъ отвѣтъ Бриску со своимъ офицеромъ. Адмираломъ были предписаны слѣдующія «дерзкія условія»:

1) Комендантъ долженъ былъ лично отдать свою шпагу.

и 2) Гарнизонъ долженъ былъ сдаться военноплѣннымъ. При этомъ адмиралъ извѣщалъ архимандрита, что если изъ монастыря сдѣлаютъ хоть одинъ выстрѣлъ, онъ тотчасъ начнетъ бомбардировать его, объясняя, что наканунѣ первый огонь былъ открытъ изъ монастыря. — Нѣкто Салтыковъ, богомолецъ, отвезъ отвѣтъ архимандрита,—гордый отказъ сдать ключи. Отвергая то, что монастырь первый открылъ огонь, онъ говорилъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ фрегата, а что монастырь только отвѣчалъ ради самозащиты. Бумага была непод-

писана. Архимандритъ заявилъ, что, будучи человѣкомъ міра, онъ не могъ подписать своего имени на документѣ, трактующемъ о крови и смерти.

Адмиралъ сказалъ Салтыкову, что больше нечего говорить, что сейчасъ же начнется бомбардированіе, и что монастырь будетъ смятенъ съ лица земли. Салтыковъ просилъ отсрочки, и адмиралъ далъ три часа; когда богомолецъ сказалъ, что этого слишкомъ мало, адмиралъ съ руганью уменьшилъ срокъ еще на три четверти часа. Онъ сдержалъ слово: бомбардированіе началось въ три четверти восьмаго; первая бомба перелетѣла чрезъ монастырскія кровли, едва только Салтыковъ успѣлъ достичь Святыхъ Воротъ.

Лишь только англичане открыли огонь, монастырскій колоколъ призвалъ монаховъ къ молитвѣ. Ядра, бомбы, гранаты и картечь градомъ сыпались на стѣны и куполы, однако служба продолжалась цѣлый день. Огненный ураганъ снаружи, агонія молитвы внутри! Когда народъ такимъ образомъ молился на колѣнахъ, въ соборный куполъ ударила бомба — трещина отъ нея набожно сохранена до сихъ поръ, — и, пробивъ деревянныя стропила, упала посреди молящихся. Стропила были въ огнѣ, церковь внезапно наполнилась дымомъ, опалило образа. Окна затрещали, двери открылись настежъ, все зданіе задрожало и заколебалось, испуганный народъ упалъ лицомъ на землю. Только одинъ человѣкъ былъ на ногахъ. Стоя передъ Царскими вратами, архимандритъ вскричалъ: «Встаньте, встаньте, не пугайтесь, Господь не оставитъ своихъ рабовъ». Монахи и богомольцы, поднявъ глаза, увидѣли спокойно стоящаго предъ алтаремъ старца; крупные слезы катились по его щекамъ. Всѣ тотчасъ вскочили на ноги, бросились за водою, потушили пламя и, очистивъ полъ отъ обломковъ, снова бросились съ молитвою на колѣни. Унтеръ-офицеръ Пономаревъ занялъ со своею пушкою уголокъ скалы, откуда онъ поддразнивалъ англичанъ и привлекалъ на себя не малую долю ихъ злобы. Каждое ядро съ «Миранды» обдавало и почти погребало ихъ подъ тиною. Вскочивъ на ноги и отряхнувши съ платья грязь, Пономаревъ опять стоялъ у своей пушки, пока его наконецъ не отозвали. «Это тяжелый день для монастыря, вздыхалъ пушкарь, но мы охотно умремъ со святыми». Немного послѣ полудня, монахи устроили крестный ходъ. Впереди шли монахи, потомъ богомольцы, наконецъ, женщины и дѣти. Архимандритъ взялъ изъ кіоты въ одну руку чудотворную икону Божіей Матери, а въ другую напрестольный крестъ и, ставъ во главѣ процессіи, повелъ ее подъ огнемъ вокругъ ограды. Звонилъ колоколъ, монахи и богомольцы пѣли псалмы,

ядра и бомбы градомъ летали надъ головами, камни въ стѣнѣ дрожали, гонтъ на крышѣ трещалъ и трескался. Близъ угольной башни, у Святаго озера, крестный ходъ принужденъ былъ остановиться. Бомба ударила въ вѣтряную мельницу и зажгла ея крылья, такъ что людямъ пришлось ждать, пока пламя погаснетъ. Потомъ по самой серединѣ ихъ упало ядро. «Впередъ!» вскричалъ архимандритъ, поднимая крестъ, и народъ двинулся впередъ. Подойдя къ Ткацкой башнѣ, архимандритъ подозвалъ монаха Геннадія, и отдавъ ему крестъ, велѣлъ идти въ Ткацкую башню, чтобы дать приложиться ко кресту засѣвшимъ тамъ людямъ. При этомъ архимандритъ обратилъ вниманіе монаховъ и богомольцевъ, что даже монастырскіе голуби не спугнуты съ ихъ гнѣздъ англійскими пушками.

Когда процессія двинулась отъ Ткацкой башни, ей пришлось проходить по открытому мѣсту подъ градомъ ядеръ. Теперь-то настало время испытать вѣру людей. Они пріостановились только на одинъ моментъ. Архимандритъ, поднявъ чудотворный образъ, двинулся впередъ въ цѣлую тучу пыли и дыма; народъ запѣлъ молитвы — и англійскія бомбы и ядра, не задѣвъ никого и просвиставъ надъ башнею, попадали въ Святое озеро. Всѣ видѣли это чудо и возблагодарили Пречистую Дѣву.

Послѣ этого корабли удалились, побѣжденные и посрамленные. Въ монастырѣ же никто не пострадалъ. Случайно бывшій въ это время въ Соловецкомъ монастырѣ норвежецъ, Гардеръ, былъ необыкновенно пораженъ этою чудесною защитою. Онъ вскричалъ: «Великъ Богъ Русскій» и просилъ принять его въ православную церковь.

Вѣсть объ этомъ нападеніи англичанъ разнеслась по всей Россіи и произвела на всѣхъ громовое дѣйствіе. Стыдъ, удивленіе, бѣшенство наполняли всю страну, пока наконецъ не пришла утѣшительная вѣсть, что это ужасное дѣло не имѣло успѣха. Послѣ этого путешествіе въ Соловецкій монастырь стало считаться почти столь же богоугоднымъ, какъ и ко Святымъ Мѣстамъ. Примѣръ показали низшіе классы, а затѣмъ одушевленіе дошло и до самыхъ высшихъ.

ГЛАВА V.

Дороги. — Лѣсныя сцены. — Сельская община.

Мой путь отъ Ледовитаго океана къ южнымъ склонамъ Уральскаго хребта, лежитъ по горамъ и доламъ, лѣсамъ и болотамъ, озерамъ и степямъ. Первая станція съ сѣвера на югъ, отъ Соловецкаго монастыря до Архангельска, сдѣлана мною на пароходѣ отца Іоанна. Станція эта легкая, виды живописные, погода хорошая, и путь свершенъ въ опредѣленное время. Вторая станція отъ Архангельска до Вытегры. Путешествіе это, по одному сплошному березовому и сосновому лѣсу, продолжающемуся на восемьсотъ верстъ, совершено мною въ пять или шесть сутокъ. Мои хлопоты начались съ этой второй станціи. Во первыхъ, пришлось похлопотать о подорожной. Такъ какъ въ Холмогоры мало кто ѣздитъ, то полиція подняла шумъ, удивляясь, зачѣмъ понадобилось человѣку продираться почти по непроходимымъ дорогамъ, вмѣсто того, чтобы преспокойно подняться на лодкѣ вверхъ по Двинѣ, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди. «Желаю видѣть родину Ломоносова?» — «Чего тамъ смотрѣть! Бревенчатая изба, бѣдный городъ, жалкая страна вотъ и все!». Однако, послѣ нѣкоторой задержки, полиція сдается,—подорожная подписана. Затѣмъ является вопросъ: экипажъ, телѣга или сани?

— Сани самая лучшая вещь, говорятъ мнѣ, только вамъ придется подождать снѣгу и морозу. Лѣтомъ у насъ совсѣмъ нѣтъ дорогъ, а мѣстами и тропинокъ, но чуть выпадетъ снѣгъ — у насъ лучшія дороги въ мірѣ.

— Но, можетъ, придется ждать шесть-семь недѣль?

— Возможно, ну такъ вамъ надо достать тарантасъ. Пойдемте къ мастеру.

Тарантасъ,—единственный экипажъ, въ которомъ можно путешествовать по здѣшнимъ дорогамъ. Человѣкъ съ деньгами можетъ сдѣлать многое, но даже имѣя въ карманѣ милліонъ, нельзя рѣшиться ѣхать по лѣсамъ и степямъ въ экипажѣ, котораго, въ случаѣ поломки, никто въ окрестностяхъ не суумѣетъ поправить. Чѣмъ болѣе я разсматриваю тарантасъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что только въ немъ, а не въ простой телѣгѣ, я могу доѣхать до Петербурга. Все это время я воображаю, что тарантасъ дадутъ мнѣ на прокатъ. Горькая ошибка! Несмотря на всѣ мои убѣжденія дать мнѣ его хотя до Вытегры, каретникъ не соглашается. Наконецъ, я подумываю уже купить его, но тутъ является вопросъ, что я съ нимъ буду дѣлать въ Вытегрѣ.

— Можно ли его тамъ продать?

— Ха, ха, ха! расхохотался мой пріятель. Въ Вытегрѣ народъ продувной. Вамъ скажуть, что тарантаса имъ не нужно, зная, что вы проѣзжій и ждать вамъ некогда. Самое лучшее для васъ будетъ, пріѣхавъ на станцію и расчитавшись съ ямщикомъ, убѣжать, сломя голову, куда глаза глядятъ.

— Оставивъ мой тарантасъ на дворѣ?

— Именно,—это самое дешевое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я пріѣхалъ въ Вытегру въ прелестномъ тарантасѣ; никто не хотѣлъ его купить. Одинъ молодецъ предложилъ мнѣ за него гривенникъ. Взбѣшенный его безстыдствомъ, я оставилъ тарантасъ на сохраненіе на постояломъ дворѣ и два раза въ годъ расплачивался за него. Въ десять лѣтъ тарантасъ обошелся мнѣ втрое дороже, чѣмъ онъ стоилъ. Напрасно я просилъ продать его, покупщика не было. Я предлагалъ хозяину взять его себѣ, онъ отклонялъ мой подарокъ. Наконецъ я отправилъ за нимъ отсюда человѣка, но мой слуга не нашелъ въ Вытегрѣ ни хранителя, ни тарантаса. Оказалось, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ дворъ закрытъ и мой экипажъ проданъ вмѣстѣ съ прочими.

Наконецъ, уже съ помощью консула мнѣ удалось найти охотника снабдить меня тарантасомъ.

Запасшись всѣмъ необходимымъ въ дорогѣ, въ томъ числѣ топоромъ, связками веревокъ толстыхъ и тонкихъ, гвоздями и прочимъ, мы выѣхали изъ Архангельска вечеромъ, такъ чтобы къ разсвѣту достигнуть перевоза.

Цѣлую ночь ѣдемъ мы по скучнѣйшей дорогѣ: сосна — направо, со-

спа—налѣво, сосна впереди; проносимся во весь опоръ по деревнѣ, разбудивъ бездомныхъ собакъ и, къ разсвѣту достигнувъ перевоза, на которомъ переѣзжаемъ рѣку, снова ѣдемъ, скрипя по камню и песку, тащась по грязи и болотамъ. И такъ все время. Каждый день дороги похожъ, какъ двѣ капли воды, на предъидущій. Просѣка въ нѣсколько сажепъ шириною, разстилается передъ нами на цѣлую тысячу верстъ. Сосны всѣ похожи одна на другую, березы тоже. Деревни представляютъ еще больше сходства между собою, чѣмъ деревья. Единственное разнообразіе только въ самомъ пути: опъ идетъ то сыпучимъ пескомъ, то по глубокимъ трясинамъ, то по полямъ, то по качающимся гатямъ. На тысячѣ верстъ я насчиталъ сто верстъ гати, двѣсти верстъ песку, триста—травы, четыреста верстъ воды и болота.

Намъ кажется смѣшнымъ стремленіе русскихъ строить желѣзныя дороги тамъ, гдѣ нѣтъ и простыхъ грунтовыхъ, даже проселочныхъ дорогъ. Но они совершенно правы. Желѣзная дорога — самый естественный путь въ странахъ лѣсныхъ, гдѣ камень рѣдокъ, какъ въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Если пески тяжелы, то гати совершенно невыносимы. Намъ все кажется, что багажъ дурно уложенъ. Ящикъ громко требуетъ перекладки. Мое сидѣнье днемъ и постель ночью — этотъ ящикъ играетъ тутъ главную роль. Сколько мы ни затыкаемъ его сѣномъ и соломою, сколько ни покрываемъ мѣхами, ничто не усмиряетъ его. Онъ выскальзываетъ изъ подъ меня и колотитъ меня при каждомъ толчкѣ.

Еще болѣе ящика отъ этихъ камней и гатей страдаетъ моя поясница. Ей ненавистны эти постоянные толчки, но за то она подъ моимъ постояннымъ контролемъ, и при болѣе серьзномъ ропотѣ, я ее тотчасъ усмиряю.

А! вотъ наконецъ Холмогоры! Расположенный на холмѣ надъ рѣкою, свѣтлый и чистенькій, съ золотымъ крестомъ, поросшими травой улицами, красными и бѣлыми домиками, съ лодками на рѣкѣ, полосами желтаго песку и сосновымъ и березовымъ лѣсомъ кругомъ,—Холмогоры представляются именно такимъ мѣстомъ, гдѣ могъ родиться народный поэтъ.

Отъ Холмогоръ до Каргополя, отъ Каргополя до Вытегры мы ѣдемъ по царству деревень. На всемъ этомъ протяженіи ни одного мѣстечка, которое бы хотя изъ вѣжливости можно было назвать городомъ. Дорога идетъ впередъ и впередъ, то кружась по берегу рѣки, то въѣдаясь въ чащу лѣса, но все-таки направляясь съ сѣвера на югъ. Мы, то пе-

рѣзаемъ глубокія рѣки, то тащимся по камнямъ, грязи и болотамъ, то подымаемся на небольшіе пригорки. Ямщикъ гонитъ свою четверку, запряженную кое какъ въ веревочную сбрую, сломя голову, въ надеждѣ получить гривенникъ на водку. Съ утра до ночи, день за днемъ, это одна длинная скачка по лѣсамъ и болотамъ. Ландшафтъ не представляетъ ни изгородей, ни воротъ, ни канавъ, никакихъ признаковъ, однимъ словомъ, личнаго владѣнія землею. Мы промчались мимо костра и кучки сидящихъ вокругъ него людей, привѣтствующихъ насъ угрюмымъ поклономъ. Нѣкоторые вскакиваютъ.

— Что это за люди, Дмитрій?

— Это должно быть бѣглые.

— Какіе бѣглые и отчего они бѣгаютъ?

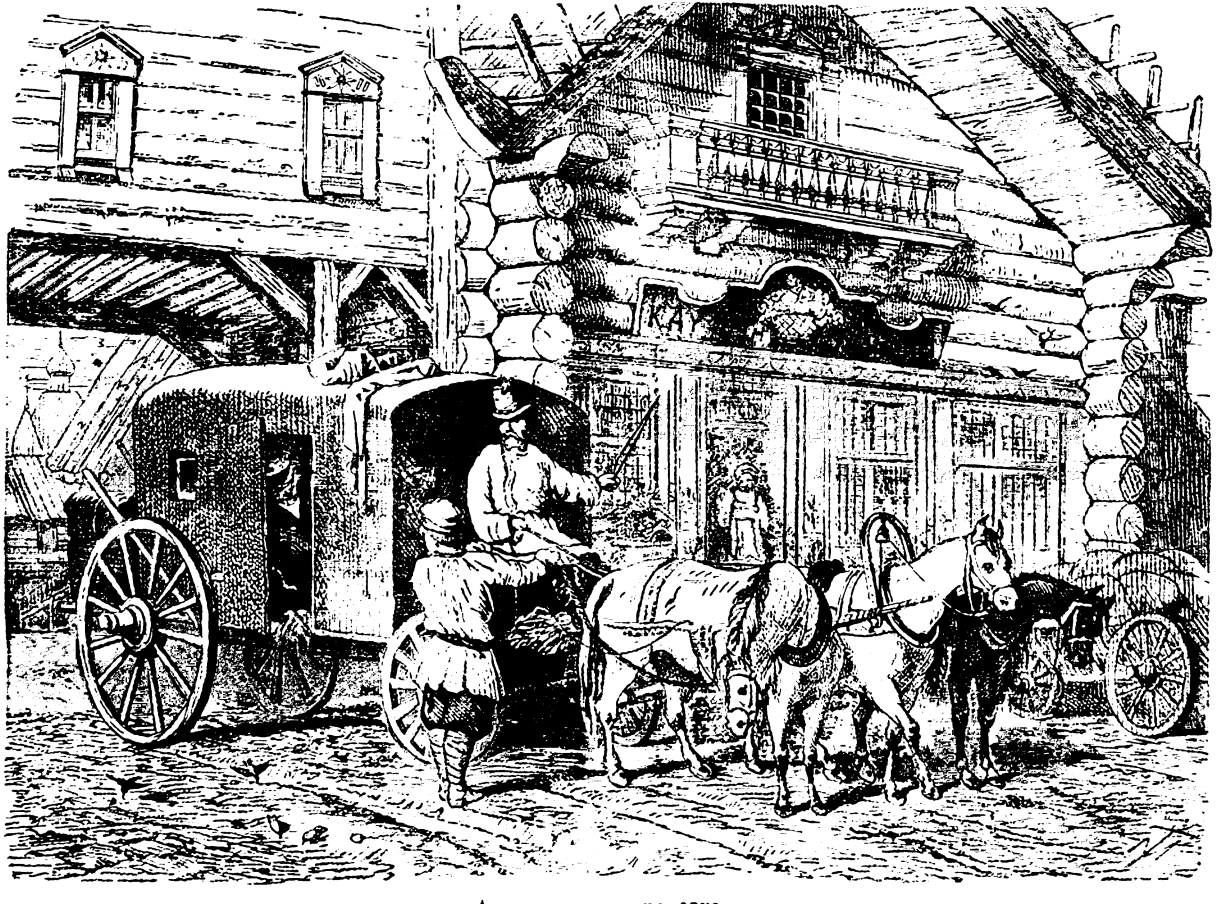
— Это люди, которые не любятъ работы, не любятъ повиноваться, имъ не сидится на мѣстѣ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ ихъ сколько угодно. Въ Каргополѣ вы можете объ нихъ разузнать.

Въ Каргополѣ я узнаю объ этихъ бѣглыхъ нѣкоторыя подробности, которыя показываютъ, какой это опасный и безпокойный народъ. Я слышу объ нихъ впослѣдствіи въ Казани, въ Новгородѣ, въ Перми. Этотъ противуобщественный элементъ распространенъ въ Россіи весьма широко.

Оставивъ свои дома и землю, бросивъ свои права землевладѣльца или горожанина, эти бродяги одѣваются въ лохмотья, берутъ странническій посохъ, удаляются отъ своихъ семействъ и идутъ жить въ лѣса и трясины, протестуя противъ правительства и господствующей церкви. Нѣкоторые держатъ себя безобидно, проводя дни и ночи въ размышленіи и молитвѣ; окрестные крестьяне доставляютъ имъ пищу. Но, даже когда ихъ борьба съ міромъ чисто пассивная, все-таки ее тяжело выносить и встрѣчать. Они не хотятъ работать, считая все въ мірѣ только временнымъ; они не хотятъ повиноваться властямъ, не признаютъ закона, подъ которымъ живутъ, считая верховную власть незаконною, а всѣхъ высшихъ лицъ въ государствѣ — служителями сатаны.

Многіе крестьяне, или симпатизируя ихъ взглядомъ, или боясь ихъ мщенія, доставляютъ имъ всякую помощь. Никто не закроетъ передъ ними двери и не подниметъ противъ нихъ голоса. Даже тамъ, гдѣ они производятъ грабежи, крестьяне не скажутъ ничего противъ нихъ и всего менѣе полиціи.

Возбужденное сознаніемъ опасности, правительство стало производить разслѣдованія, результаты которыхъ поставятъ въ тупикъ самыя



Архангельская повозка.

умныя головы. Напримѣръ, оказалось, что въ Казанской губерніи у бѣглыхъ существуетъ правильная организація; что у нихъ есть тайныя мѣста для собранія и моленій; что у нихъ есть начальники которымъ они повинуются и довѣряютъ. Что прикажете дѣлать съ такими обстоятельствами чисто восточнаго характера Развѣ преступленія оставить свою землю и домъ? Развѣ грѣхъ жить въ пустыняхъ и пещерахъ? Какая статья закона запрещаетъ человѣку жить въ пустынѣ, какъ Серафимъ, или на кладбищѣ, какъ Фларетъ Малый? Но съ другой стороны, развѣ правительство можетъ допустить, чтобъ народъ снова становился кочевымъ? Бродяжничество не простая слабость, оно представляетъ большую опасность, такъ какъ духъ возмущенія противъ общественнаго порядка именно то, чего болѣе всего должны опасаться реформаторы. Идя назадъ, человѣкъ возвращается въ хаосъ.

Деревня за деревнею пробѣгаютъ мимо меня!

Русскія деревни всѣ на одинъ образецъ, если вы видѣли одну, вы видѣли всѣ. Она можетъ быть велика или мала, выстроена изъ бревенъ или изъ глины, можетъ прятаться въ лѣсу или разстилаться по степи но въ главныхъ чертахъ вы не видите разницы. Существуютъ собственно два типа деревень: великорусская и малорусская. Центръ первой въ Москвѣ, какъ столица Великороссіи; центръ второй въ Кіевѣ, столица Малороссіи.

Великороссійская деревня состоитъ изъ двухъ рядовъ избъ, раздѣленныхъ по срединѣ широкою, грязною улицею. Каждое жилье стоитъ отдѣльно. Деревни составляютъ отъ десяти до ста избъ. Построенный изъ такихъ же сосновыхъ бревенъ, каждый домъ есть точный снимокъ съ дома своего сосѣда и разнится отъ него только величиною. Домъ старосты больше прочихъ, а затѣмъ слѣдуетъ кабакъ. Грубыя стѣны, земляной полъ, щели, законопаченныя мхомъ. Промежутокъ между домами не загораживается, это цѣлое море грязи, гдѣ хрюкаютъ и валяются свиньи, и ворчатъ и дерутся собаки. Близъ деревушки видна всегда церковь или часовня, стѣны ея большею частію выкрашены бѣлою краскою, крыша зеленою, а крестъ позолоченъ.

За этими скучными избами лежитъ еще болѣе скучное поле, плоское, безъ изгороди, непоэтичное.

У малороссовъ, въ древнихъ польскихъ, югозападныхъ округахъ, деревни другаго типа. Вмѣсто сѣрыхъ бревенъ видишь преобладающую смѣсь зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ, такъ какъ хаты разбросаны посреди деревьевъ. Онѣ выстроены изъ глины и тростника, кровля крыта соло-

мою, а стѣны выбѣлены известью. Каждая хата окружена плетнемъ; если она выглядитъ и маленькою, то, по крайней мѣрѣ, каждая имѣетъ свой дворъ и садикъ. Улицъ нѣтъ, каждый строитъ, гдѣ вздумаетъ.

Деревня, выстроенная безъ всякаго плана, и гдѣ каждый домъ окруженъ садомъ, занимаетъ огромное пространство. Нѣкоторые изъ казацкихъ станицъ больше городовъ. Разумѣется, въ большей части селеній есть церковь съ ея поэтическимъ очарованіемъ.

Отъ Кіева встрѣчаются деревни только втораго типа. Вся разница, какъ видите, только въ домѣ и садѣ, и происходитъ отъ различія характеровъ и рассъ. Великороссы робкаго, мягкаго, болтливаго характера они любятъ жаться въ кучу, соединять вмѣстѣ средства, жить подъ одною кровлею. Малороссы — живы, смѣлы, отважны; они живутъ врозь, каждый для себя; они оставляютъ себѣ достаточно пространства и воли для развитія всѣхъ своихъ способностей. Великороссъ приводитъ жену въ домъ своего отца, а малороссъ приводитъ ее въ свою собственную хатку.

Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ. Мимо насъ проносится въ телѣжкѣ дѣвушка. Далѣе намъ попадается, подъ конвоемъ пѣшихъ солдатъ, фура съ преступниками, которою правитъ пожилая женщина.

Въ русскихъ деревняхъ очень частое явленіе, что мужъ и вообще все мужское населеніе уходитъ на дальніе заработки, оставляя женщинъ однѣхъ на цѣлые мѣсяца. Эти исключительно женскія деревни представляютъ любопытное явленіе, и человѣку съ влюбчивымъ нравомъ можно поухаживать здѣсь въ волю.

Деревни, снова деревни и еще деревни. Намъ попадается то отрядъ солдатъ, сопровождающихъ преступника; то богомолецъ, идущій въ Соловки; то толпа мальчишекъ; то мы замѣтимъ въ кустарникѣ волка, то невольно вздрогнемъ отъ неистоваго лая деревенскихъ собакъ, а потомъ опять кружимъ часы за часами по совершенно безмолвному лѣсу; Какая-то дикая прелесть очаровываетъ глазъ даже въ самыхъ печальныхъ сценахъ. Въ шепотѣ листьевъ слышна дѣвственная прелесть. Воздухъ чистъ, хотя почти всѣ линіи плоски, зато небо синее и съ него льются солнечные лучи. Деревья одѣты въ богатые тоны, то янтарные, то пурпуровые и коричневые; сосна гармонично шумитъ при малѣйшемъ вѣткѣ. Кое-гдѣ выглядываютъ монастыри. Часть лѣса въ огнѣ. изъ горящей массы, сквозь саванъ пурпуроваго дыма, подымаются къ верху языки блѣдно-краснаго пламени. Прогалина, происшедшая отъ прежняго пожара, блеститъ осенними цвѣтами. У дороги стоитъ пре-

лестный ребенокъ, съ льняными кудрями и невинными сѣверными глазами, кланяясь граціею. Выходитъ женщина съ кувшиномъ молока.

Группа дѣвушекъ полощетъ бѣлье у источника, надъ которымъ возвышается образъ Богородицы или мѣстнаго святаго. Народъ вездѣ, хотя и неразвитъ, но благочестивъ и вѣжливъ. Мы въѣзжаемъ въ деревушку у маленькаго горнаго озера.

Деревня — это государство, управляемое закономъ, обычаями и собственнымъ правителемъ.

Въ Западной Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ деревня то же, что маленькій городъ, гдѣ живутъ собственно господа, фермеры, купцы и зависящіе отъ нихъ люди. Всѣ они съ одинаковымъ правомъ могутъ и оставаться здѣсь, и уйти куда имъ угодно. Не то въ русской деревнѣ. Это не городокъ съ различными сословіями, но собраніе людей одного класса, одного званія, людей, не имѣющихъ права бросить воздѣлываемыя ими поля. Они живутъ и умираютъ вмѣстѣ, сообща воздѣлываютъ землю, сообща платятъ подати, сообща отдаютъ въ солдаты своихъ сыновей.

Эти деревенскія общины чисто русскаго происхожденія и ограничиваются Великороссіею. Въ Финляндіи, въ Остзейскихъ губерніяхъ онѣ неизвѣстны, также какъ въ Казани, Сибири, Украинскихъ степяхъ и Кавказскихъ горахъ. Дѣйствительно, существованіе этихъ общинъ есть первый и вѣрнѣйшій признакъ русской національности. Гдѣ онѣ есть, тамъ и земля и народъ чисто русскіе.

Губерніи, гдѣ онѣ распространены, многочисленны, занимаютъ обширное пространство и славятся патріотизмомъ. Онѣ простираются отъ стѣнъ Смоленска до Вятки, отъ Онежской губы до казацкихъ поселеній на Дону. Онѣ покрываютъ пространство въ 15 или 16 разъ болѣе Франціи, — царство Іоанна Грознаго, — ту часть Россіи, которая лежитъ вокругъ четырехъ древнихъ столицъ: Новгорода, Владиміра, Москвы, Пскова. Что такое деревенская община?

Въ странѣ, полной лѣсовъ, озеръ и болотъ, уединенному поселенцу не посчастливится, а Россія и до сихъ поръ страна лѣсовъ, озеръ и болотъ. Поселенцы должны соединять ихъ средства и силы, и стоять другъ за друга въ горѣ и радости.

Связь эта заключается въ землѣ. Они владѣютъ землею сообща, не каждый въ отдѣльности, но каждый отъ имени всѣхъ. Мужъ съ женою составляютъ соціальную единицу, признаваемую общиною за тягло; каждое

тягло имѣетъ равную долю въ землѣ. Однажды въ три года всякое владѣніе кончается и земля передѣляется.

Такъ какъ община республика, и всѣ члены ея равны между собою, то въ совѣтѣ, каждый имѣетъ право голоса, и при раздѣленіи земли принимаютъ во вниманіе права каждаго. Вся земля раздѣляется на столько частей, сколько тяглъ въ деревнѣ: столько-то пахоты, столько-то сѣнокосу. При этомъ всегда принимается въ разсчетъ качество земли и удаленность отъ дома.

Нельзя отрицать, однако, что у деревенской общины есть и нѣкоторыя достоинства. Система, при которой каждый имѣетъ участіе во владѣніи землею, производитъ консервативный и миролюбивый народъ. Нѣтъ на землѣ рассы, болѣе русскихъ приверженной къ старымъ обычаямъ. Гдѣ каждый землевладѣлецъ, тамъ неизвѣстна крайняя степень нищеты, и Россія не нуждается ни въ законахъ о бѣдныхъ, ни въ рабочихъ домахъ, такъ какъ, къ счастію ея, въ ней нѣтъ настоящаго пауперизма. У каждаго есть изба, поле, корова, можетъ быть лошадь и телѣга. Если даже человѣкъ настолько лѣнивъ и низокъ, что разорится самъ, онъ не можетъ разорить своихъ сыновей. Когда они выростутъ, они получатъ свои доли и устроятъ жизнь, какъ имъ угодно. Общины поддерживаютъ любовь къ родителямъ и уваженіе къ старшимъ, также какъ и чувства равенства и братства, и сознаніе взаимной зависимости и помощи.

ГЛАВА IV.

Св. Георгій.—Новгородъ.—Казань.—Волга.—Волжскія степи.—Заключеніе.

Св. Георгія почитаютъ всѣ славянскія племена, но въ особенности русскіе. Въ честь его посвящено два праздника въ году, изъ которыхъ одинъ приходится въ началѣ весны, а другой въ концѣ осени, дни радости и веселья для всѣхъ живущихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. въ первый изъ нихъ открываютъ хлѣва и выпускаютъ пастись скотъ; во второй же празднуется окончаніе всѣхъ полевыхъ работъ и возвращеніе скота домой.

Я посѣтилъ въ Новгородѣ монастырь Св. Георгія въ его осеній праздникъ. Три или четыре тысячи богомольцевъ, преимущественно изъ Новгорода и Новгородской губ., расположились станомъ на зеленомъ лугу съ телѣгами и лошадьми; кое-гдѣ горѣли костры. Каждый богомолецъ, приноситъ что нибудь въ даръ монастырю, кто возъ сѣна, кто мѣшокъ муки, горшокъ воску, свертокъ холста, вышитую хоругвь. Одна бѣдная старуха, которая едва движется, принесла клубокъ нитокъ; лепта вдовицы, стольже благопріятная, какъ и золото и серебро. Для продажи хлѣба и сластей выстроены балаганы; самовары шипятъ на нѣсколькихъ десяткахъ столовъ, повсюду разсыпаны изюмъ, орѣхи, яблоки. Крестьяне нарядно и тепло одѣты. Мужики въ овчинныхъ полушубкахъ, мѣховыхъ шапкахъ и сапогахъ; бабы въ штофныхъ сарафанахъ и душегрѣйкахъ, обшитыхъ серебрянымъ или золотымъ позументомъ. Монахи движутся посреди толпы; деревенскій людъ глазѣетъ на товары, разнощики торгуются съ дѣвушками. Всѣ въ праздничномъ настроеніи, и общій видъ луга передъ монастырскими воротами похожъ на деревенскую ярмарку, чуть-чуть съ религіознымъ оттѣнкомъ.

Богомольцы все народъ смирный, добрый и (въ настоящій моментъ) трезвый, со странными старосвѣтскими ухватками. На пароходѣ мнѣ пришлось услышать, какъ одинъ мужикъ сказалъ своему сосѣду: Коли ты не баринъ, такъ сними свою кладь со скамейки, и дай мнѣ сѣсть, а коли баринъ, то иди въ первый классъ; твое мѣсто тамъ; сосѣдъ снялъ свой багажъ со скамейки, а говорившій сѣлъ на очищенное мѣсто, продолжая. Такъ-то для, всѣхъ мѣсто будетъ, мы всѣ крещены. Англійскій мужикъ сказалъ бы при этомъ, что онъ «тоже заплатилъ за мѣсто». На томъ же пароходѣ, я слышалъ, какъ одинъ мужикъ отвѣчалъ буфетчику, хотѣвшему его прогнать изъ каюты. «Чего мнѣ уходить, развѣ я не крещеный?» Перевозчикъ, перевозя насъ черезъ рѣку, говоритъ, что мы дѣлаемъ доброе дѣло, посѣщая святыни. «Разъ, разсказываетъ онъ, я былъ болѣнъ и умеръ; но я помолился моему ангелу, чтобъ онъ меня воскресилъ, и онъ услышалъ мою молитву, не ради меня грѣшнаго, а ради моего брата, который только что пришелъ изъ Соловковъ. И душа моя снова въ меня вернулась. Это ангелъ всегда можетъ сдѣлать, если только душа не ушла очень далеко».

Сцена передъ глазами прелестна. Съ колокольни Св. Георгія, которую можно сравнить съ фарфоровою башнею, открывается цѣлый міръ окружныхъ сосенъ, между которыми текутъ широкія, лѣнивыя воды Волхова, вытекающія изъ обширнаго озера, блестящаго у вашихъ ногъ.

Передъ глазами моими возвышается знаменитая башня Ярослава, съ которой раздавался нѣкогда звонъ вѣчеваго колокола, а за нею общественная площадь, мостъ, стѣны Кремля, золотые куполы Софіи, и гордый памятникъ настоящаго царствованія, говорящій о томъ, что Россія отпраздновала уже тысячелѣтіе своей политической жизни. Я уношусь въ прошлое; сцены и люди начинаютъ проходить передо мною не сухими отвлеченными фигурами, но живыми, полными энергіи, образами.

Человѣкъ, проходящій по татарской части города въ Казани, восхищается разрисованными домами, красивыми фигурами, восточными одеждами, грандіозными минаретами; ему представляется, что эти дѣти ислама сохранили свой духъ, съ граціею и величіемъ достойными лучшей эпохи.

«Преданы воровству и жрутъ конину»: вотъ вердиктъ русскаго офицера, «но въ другихъ отношеніяхъ не такъ дурны» — Однако у васъ прислуга татарская?—«Да, изъ шельмецовъ выходятъ хорошіе слуги; вотъ видите ли, они не пьютъ, и если имъ довѣряютъ, то не воруютъ.

Беги и мирзы бѣжали, когда городъ былъ покоренъ, остался только простой народъ, но теперь народилась новая аристократія: торговая и по образованію. Между татарами въ Казани болѣе грамотныхъ, чѣмъ между ихъ сосѣдями русскими. Ихъ охотно принимаютъ въ прикащики и въ банкирскія конторы, отсюда при терпѣніи и стараніи, легко занять и высшее положеніе.

Для христіанина чрезвычайно трудно найти ключъ къ чувствамъ этого трезваго, трудолюбиваго народа. Очевидно только, что они ставятъ вѣру выше жизни; но неизвѣстно раздѣлаютъ ли они надежду своихъ братьевъ Хивы и Бухары. А пока они работаютъ и молятся, богатѣютъ и усиливаются. Считая его невиннымъ и полезнымъ народомъ въ государствѣ, его благоразумно оставляютъ въ покоѣ, на сколько это возможно.

Всѣ симпатіи ихъ обращаются не къ Москвѣ и къ Петербургу, а къ Хивѣ, Бухарѣ и Самарканду; они не научились быть русскими и никогда не научатся; что бы ни дѣлало правительство, но борьба рассъ и религій неизбѣжна и въ будущемъ. Производя реформы по всей имперіи, Императоръ не оставилъ безъ вниманія и восточной ея части, и, въ духѣ всѣхъ новѣйшихъ измѣненій, принято новое положеніе относительно татаръ и ихъ религіи. Природа и политика не дозволяютъ ему обращать мусульманъ силою, но ничто не запрещаетъ достигать этого моральнымъ вліяніемъ образованія и человѣчности; поэтому правительство открываетъ для татаръ много школъ. Я посѣтилъ двѣ такихъ школы, для мальчиковъ и для дѣвочекъ, потому что полы раздѣлены во вниманіе къ восточнымъ понятіямъ о женщинѣ. Комнаты чисты и хорошо содержатся; дѣти опрятны и приличны въ обращеніи; ихъ учатъ пѣнію, грамотѣ и счисленію. Книги на татарскомъ языкѣ печатаются въ университетской типографіи. Это печатаніе книгъ, въ особенности псалмовъ и евангелія на татарскомъ языкѣ, приноситъ большую пользу, потому что татары народъ любопытный, охотники до чтенія и пѣнія, и даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рады получить хорошую книгу на родномъ языкѣ, понятномъ для каждаго. Кромѣ того сдѣланъ еще одинъ важный и мудрый шагъ: служба въ церкви идетъ на татарскомъ языкѣ. Если когда нибудь татары обратятся къ христіанству, то скорѣе путемъ этихъ мирныхъ средствъ, а не огнемъ и мечемъ.

Впрочемъ, эта система не увѣнчалась еще очень важными результатами, главнымъ образомъ вслѣдствіе закона, что разъ принявшій хри-

стіанство, не можетъ уже отъ него отречься. Только тогда можно будетъ торжествовать окончательную побѣду вѣры Христовой, когда совѣсти будетъ предоставлено идти свободно, куда поведетъ ее Богъ, безъ страха вмѣшательства закона.

Отъ Казани до Каспійскаго моря Волга течетъ между исламомъ и христіанствомъ. На восточномъ ея берегу находится лишь одинъ городъ, Самара. Всѣ прочіе города: Симбирскъ, Вольскъ, Саратовъ, Царицинъ на западномъ берегу; Самара скорѣе, киргизскій, чѣмъ русскій городъ, и славится своимъ кумысолеченіемъ.

Христіанскія поселенія по берегамъ Волги отъ Казани до Каспійскаго моря составляютъ вопросъ времени. Триста слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Грозный разгромилъ Казань; почти столько же лѣтъ прошло—какъ онъ покорилъ астраханское царство и открывъ проходъ чрезъ Россію къ Каспійскому морю, и однако Волга въ сущности все еще остается пограничною рѣкою. Надо сказать правду, важнѣйшій водяной путь въ Европѣ извѣстенъ англійскимъ купцамъ въ царствованіе Викторіи менѣе, чѣмъ былъ извѣстенъ въ царствованіе Елизаветы.

Главною попыткою колонизировать христіанами хоть часть восточной степи было основаніе казацкихъ станицъ между Дономъ и Волгою, въ мѣстности, гдѣ почва менѣе изсушена, пески менѣе глубоки растительность не такъ бѣдна, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ этихъ безплодныхъ равнинахъ. Но даже въ этой болѣе благопріятной мѣстности борьба за существованіе сурова и непрерывна.

Обширная, открытая со всѣхъ сторонъ равнина, плоская, мрачнаго вида, покрытая рѣдкимъ коричневымъ мхомъ и поблеклою травою; кое-гдѣ табунъ полу-одичалыхъ лошадей; всадникъ несущійся въ облакахъ пыли; забѣглый верблюдъ; телѣга на волахъ глубоко врѣзывающаяся въ грязь или песокъ; глубокій, мрачный оврагъ, гдѣ расположились табаромъ цыгане; обозъ съ сѣномъ или арбузами; стадо овецъ, подъ присмотромъ мальчугана въ мѣховой шапкѣ, овчинномъ тулупѣ и огромныхъ сапогахъ; на одинокомъ холмѣ вѣтряная мѣльница, и надъ всѣми этими величественный небесный сводъ, пронизанный длинными линіями зеленаго и краснаго цвѣтовъ:—вотъ вечерняя картина восточной степи.

Съ незапамятныхъ временъ черезъ эту степь проходили къ плодороднымъ полямъ, орошаемымъ Дономъ, двѣ враждебныя силы. Это были

турецкія и монгольскія племена. Самыя раннія передвиженія этихъ племенъ скрыты туманомъ; но съ тѣхъ поръ какъ они попали въ европейское поле зрѣнія, стало очевиднымъ, что эти племена различнаго типа и религіи. Турецкая раса считается одною изъ красивѣйшихъ въ мірѣ, монгольская стоитъ между безобразнѣйшими расами; турецкія племена исповѣдаютъ Магомета, монгольскія послѣдователи Будды.

Борьба между буддистами и мусульманами привела въ этихъ странахъ къ окончательному торжеству Креста. Степи, гдѣ они боролись въ теченіе двадцати поколѣній, до сихъ поръ еще населены азіятскими племенами, калмыками, киргизами, ногайцами; калмыки — буддисты, киргизы и ногайцы — мусульмане.

Калмыки пастушескій, но въ то же время воинственный народъ, незнающій до сихъ поръ что такое домъ, суть истинные владѣльцы степи. Но они оставили ее, по крайней мѣрѣ часть ея, потому что въ царствованіе императрицы Екатерины пятьсотъ тысячъ калмыковъ перешли за Уралъ, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться: на ихъ мѣсто пришли и заняли ихъ земли киргизы, и ногайцы. Съ плоскимъ лицомъ бронзоваго цвѣта, калмыкъ представляетъ одинъ изъ безобразнѣйшихъ типовъ въ мірѣ, хотя и говорятъ, что онъ составляетъ соединеніе типовъ гибкаго, женственнаго индуса съ красивымъ лицомъ и фигурою кавказца.

Калмыкъ, какъ буддистъ, сохраняющій древнія монгольскія преданія и поклоняющійся Далай-Ламѣ, ѣстъ мясо, чуть поджаренное, и пьетъ кобылье молоко, въ любимыхъ имъ видахъ кумыса и водки; первый есть молоко только перебродившее, а вторая — перебродившее и перегнанное. Какъ всѣ подобныя рассы, онъ съ удовольствіемъ украдетъ корову, верблюда, лошадь не только у врага, но и у пріятеля, если только представится случай. Онъ не признаетъ вѣрности и не знаетъ закона. Правительство ничего отъ него не ожидаетъ, кромѣ самыхъ формальныхъ актовъ повиновенія, каковы: уплата податей и поставка солдатъ; но даже и эта остается лишь номинальнымъ, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ калмыкъ подчиняется казачьимъ постановленіямъ.

Эти дикія племена блуждаютъ, гдѣ имъ вздумается, появляясь со своими овцами и верблюдами то у Китайской стѣны, то въ странахъ, орошаемыхъ Допомъ.

Нѣсколько семействъ присоединились къ казакамъ, подчинились закону и даже приняли христіанство; но огромное большинство крѣпко держится за свою дикую жизнь.

Цыгане, въ южныхъ степяхъ, ведутъ такой образъ жизни, какъ и вездѣ, живя въ жалкихъ шатрахъ изъ грубаго сукна, и утопая въ грязи, какъ свиньи или собаки. Въ каждомъ таборѣ есть нѣсколько телѣгъ и лошадей, на которыхъ они перевозятъ женщинъ, дѣтей и домашній скарбъ съ ярмарки на ярмарку, воруя живность, гадая, подковывая лошадей, существуя изо дня въ день. Они не хотятъ ни работать, ни учиться.

Иные проявляютъ талантъ къ музыкѣ, а женщины славятся красотою. Онѣ дѣлаются пѣвицами, и красивѣйшія изъ нихъ иногда составляютъ блестящую партію, даже въ самомъ высшемъ свѣтѣ. Но вся расса живетъ чисто по азіятски, шатаясь изъ деревни въ деревню, въ одномъ домѣ воруя, въ другомъ нищенствуя, живя внѣ закона, служа предметомъ страха для однихъ, отвращенія для всѣхъ. Здѣсь же живутъ и донскіе казаки.

Казаки живутъ въ станицахъ, составляющихъ настоящій лабиринтъ; дома кроютъ соломой, стѣны выкрашены охрой; станицу окружаетъ ограда всего съ двумя или тремя входами, охраняемыми одичалыми собаками. Все вмѣстѣ составляетъ загонъ для скота и крѣпость для жителей. На возвышеніи церковь, большею частью маленькая и бѣдная, такъ какъ казаки почти все старообрядцы и не ходятъ въ церковь.

Въ степи пасется стадо овецъ, по дорогѣ плетется обозъ на волахъ, по травѣ пробирается охотникъ съ ружьемъ. Вездѣ видишь признаки жизни, и хотя степь все также мрачна и обнажена, но любовь казака къ садамъ, изгородямъ и краскамъ доставляетъ южному пейзажу очарованіе, котораго не найдешь на сѣверѣ.

Мужчины ѣздятъ верхомъ съ самаго ранняго дѣтства; у каждаго ребенка есть лошадь.

Въ Казацкой станицѣ курить не позволяется, ради опасности отъ пожара, но мой хозяинъ и самъ куритъ, и приглашаетъ курить своихъ гостей.

Прекрасныя стада пасутся въ степи, многія семейства воздѣлываютъ пшеницу и въ изобиліи виноградъ, изъ котораго выдѣлываются крѣпкія шипучія вина. У казаковъ достаточно земли, чтобы имѣть пропитаніе и для себя и кромѣ того наполнить рынки избыткомъ, земля не подвергалась раздѣлу уже тридцать слишкомъ лѣтъ.

Намъ, англичанамъ: нечего жалѣть о наступательномъ движеніи, русскаго народа, роптать на его успѣхи. Русскіе въ Бухарѣ не значитъ ли что англичане, то же въ Бухарѣ? Развѣ не будутъ проложены дороги, выстроены станціи, развѣ не будутъ охранять проходовъ по степямъ для торговцевъ и путешественниковъ всѣхъ націй. Развѣ какой нибудь другой народъ, кромѣ русскаго, можетъ предпринять эту работу. Зачѣмъ же намъ за это возставать противъ него? даже для нашихъ личныхъ интересовъ было бы выгоднѣе имѣть на нашей границѣ цивилизованнаго сосѣда вмѣсто дикой орды,—сосѣда, признающаго законы и правила общежитія, вмѣсто дикаго хана, убивающаго нашихъ посланниковъ и отвергающаго нашу торговлю.